

ВЕК

СОЛИДАРНОСТИ

РОССИЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ
1905 — 2015

ВЕК СОЛИДАРНОСТИ

**РОССИЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ
1905–2015**

Автор книги:
Евгений Никаноров

Художественное оформление:
Николай Олейников

Дизайн и верстка:
Василий Востриков

Настоящая книга представляет собой авторский взгляд на более чем столетнюю историю российского профсоюзного движения, борющегося за права и интересы трудящихся, за справедливое, свободное, демократическое общество.

Автор посвящает книгу 20-летию Конфедерации труда России.

Москва, 2016 год.

Вступление

Полтора века назад в России родился рабочий класс.

Вчера эти люди жили в избах – сегодня в бараках. Вчера они пахали и бороили, и зачинали детей дюжинами. Сегодня их заставили закручивать гаечные гайки на заводе господина Рябушинского.

Вчера их жизнь была подчинена неумолимому ритму природы: от посева до жатвы, от посева до жатвы. Перезимовать бы хоть тридцать зим.

Сегодня ими управляет заводской гудок. Пять утра – на работу. Семь вечера – с работы.

Нужно было много времени – и много пролитой крови – прежде чем эти люди осознали себя как новую общность, новую силу.

Они и сейчас не всегда это осознают. Сложно принять, что юноша в белоснежной рубашке, вкальывающий в офисе в эпоху Путина – такой же человек труда, как бородатый и потный рабочий в эпоху Путилова.

Вслед за рабочими в России появились профсоюзы. Они стали той силой, что организовала и поддержала рабочих.

Бывало, профсоюзы шли впереди: возглавляли и вдохновляли. Бывало – плелись в хвосте, не успевая за ходом истории. Бывало – профсоюзы покупали и уничтожали.

Но они всегда были рядом.

Эта маленькая книга – краткая история российских независимых профсоюзов. От Российской Империи, эксплуатировавшей детский труд, – до новой России, эксплуатирующей труд мигрантов.

От первых стачконов – до Конфедерации труда России, объединившей независимые профсоюзы нового века.

Через революцию – репрессии – застой – распад – к возрождению.

Это – история борьбы.

На ситценабивной фабрике товарищества «Эмиль Циндель».

Москва, 1914 год.

Источник фотографии: проект «Узнай Москву», ut.mos.ru.

Глава 1.

Рождение профсоюзов

Над городом жирный дым: топят углем. Газовые фонари дают сиреневый свет. Улицы пахнут навозом. Лошадей – много. Ревущий автомобиль – заморская диковина. Тишина. Перед домами умирающих разбрасывают солому, чтобы колеса телег не гремели и копыта не цокали.

1905 год. Россия. Третья по населению империя мира. Продолжительность жизни – 30 лет. Три четверти – неграмотны. Грамотные покупают газету и читают по слогам: бро-не-нос-цы. Новое слово, последнее слово техники. Россия вступает в войну с Японией, теряя в морских и наземных сражениях 50 тысяч человек. И половину Сахалина в придачу.

Россия воюет и строится. России нужна промышленность. В стране – вчера крестьянской – 14 миллионов рабочих, вчерашних крестьян. Эта

огромная масса пока безмолвна. Молчат черные от угольной копоти русские города. Продолжительность рабочего дня – 10,5 часов. В моде торговля дешевой рабочей силой: детьми. Специальные люди собирают их по деревням и продают на предприятия. Государство заботится о детях: указом 1890 года им не разрешают работать больше 9 часов в день. Заботятся и о взрослых рабочих: в Петербурге их, например, порют.

Рабочие понимают, что за права надо бороться, но пока не понимают, как. Стачечные комитеты появляются еще в конце XIX века. Но настоящий подъем рабочего и профсоюзного движения происходит в 1905 году. В год первой русской революции.

Весной и летом 1905 года профсоюзы возникают по всей гигантской империи: от Латвии до

3

ВСЕРОССИЙСКИЙ Железнодорожный Союз.

Товарищи! По инициативѣ Центрального Бюро Всероссийскаго Железнодорожнаго Союза при Государственной Думѣ образована Депутатомъ Государственной Думы, Членомъ Всероссийскаго Железнодорожнаго Союза Стрѣлковымъ группа изъ нѣсколькихъ депутатовъ, взявшихъ на себя защиту профессионально-правовыхъ и экономическихъ интересовъ железнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ.

Для всѣхъ железнодорожниковъ является въ настоящее время возможность заявлять въ эту группу непосредственно или черезъ мѣстные комитеты союза о всякомъ произволѣ железнодорожнаго начальства и администраціи, для предъявленія запросовъ Министру Путей Сообщенія. Въ виду этого Центральное Бюро предлагаетъ всѣмъ мѣстнымъ комитетамъ и отдельнымъ членамъ его взять на себя немедленно же инициативу по собиранію этихъ свѣдѣній, группировку ихъ и доставку по слѣдующему адресу: Петербургъ, Государственная Дума, Депутату Стрѣлкову.

Въ виду того, что всѣ заявленія будутъ являться очень важнымъ матеріаломъ для выясненія быта железнодорожныхъ служащихъ и рабочихъ необходимо всѣ копи подобныхъ заявленій направлять въ мѣстные комитеты Всероссийскаго Железнодорожнаго Союза.

Центральное Бюро Всероссийскаго Железнодорожнаго Союза.

Февраль 1907 года.

ак. н. 2508

Туркестана, от Урала до Донбасса, от Сибири до Кавказа. Профсоюзы организуют и экономические, и политические выступления. Руководят стачками и переговорами. Борются и побеждают, заключая тарифные соглашения с предпринимателями.

Апрель 1905 года. В Москве – учредительный съезд Всероссийского железнодорожного союза. Полгода спустя ВЖС парализует железнодорожное сообщение по всей России. Забастовку начинают работники Московско-Казанской магистрали. Вскоре встают все железные дороги. В ноябре стачка уже всеобщая. 700 000 железнодорожников во главе. С ними полмиллиона фабричных рабочих и полмиллиона горожан – так называемых городских демократических слоев. В том числе – учителя. У них свой союз: Всероссийский учительский. На ключевых постах – меньшевики, эсеры, кадеты. ВУС борется за фантастические по тем временам вещи: единую систему народного образования, бесплатное начальное образование, светскость школы, преподавание на родном языке. Сейчас, спустя век, даже больше века, как-то забылось: все, чем мы пользуемся сейчас – результат чьей-то борьбы.

В Санкт-Петербурге, Москве и других городах начинают создаваться профсоюзы рабочих печатного дела. «Союз рабочих печатного дела призывает всех вас, товарищи, принять участие в праздновании 1 Мая. Пусть в этот день ни один рабочий из нашей среды не выйдет на работу, пусть все типографии

и мастерские будут закрыты; ни одна строка не должна быть набрана, ни один печатный лист не должен выйти из машины – все типографские рабочие примут участие в этом великом празднике труда», – призывают печатники в первомайской листовке.

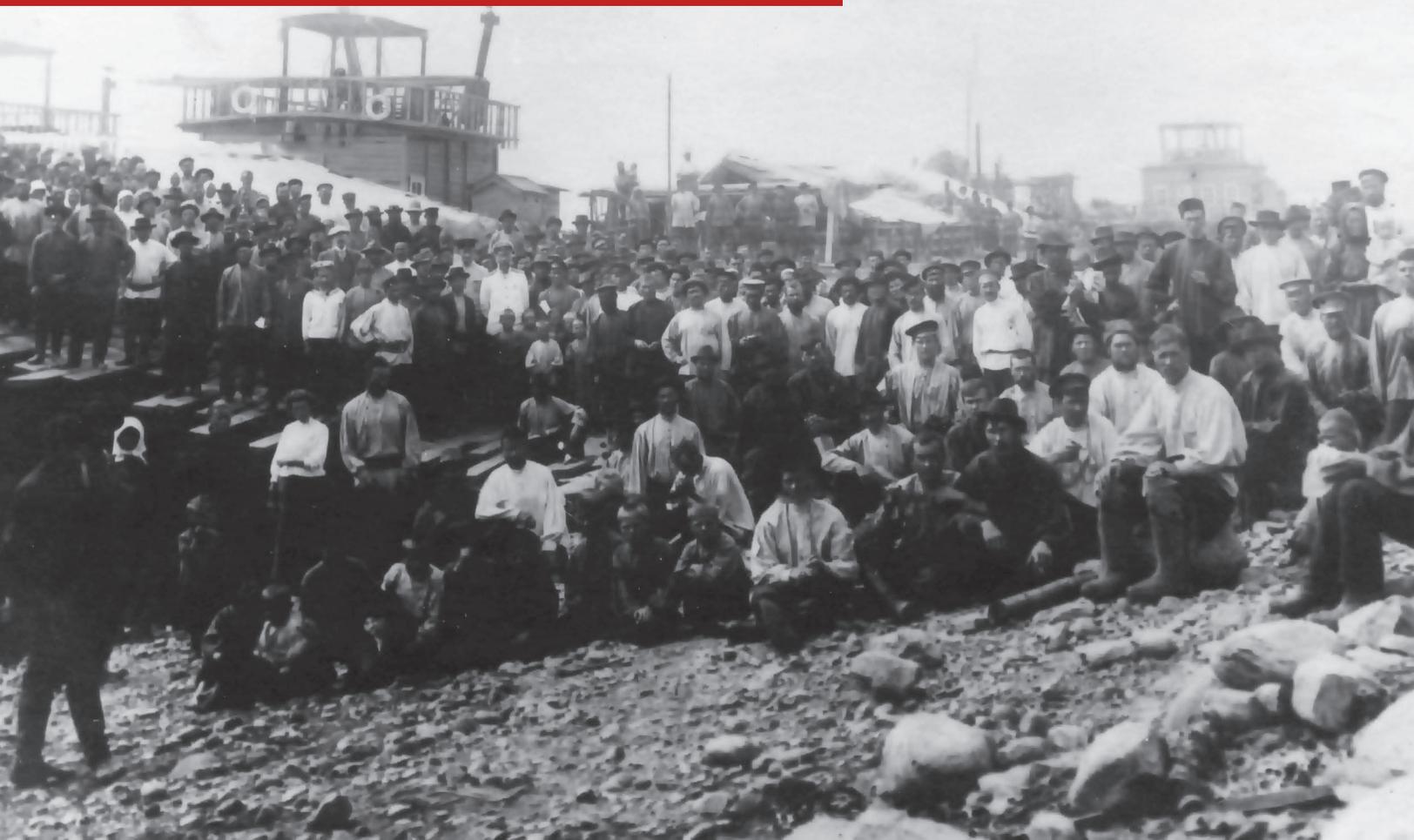
Осень. Два миллиона бастуют. В октябре 1905 года возникает Всероссийский союз почтово-телеграфных служащих. Начальник главного управления почт и телеграфов Михаил Севастьянов – тогдашний министр по делам коммуникаций – воспрещает служащим состоять в каком-либо профсоюзе. В ответ – забастовка.

Осенью 1905 года в Петербурге возникают профсоюзы текстильщиков, портовых и кораблестроительных рабочих, кожевников. Возникают пока еще хаотично. Первая попытка централизации – Всероссийская конференция профсоюзов в октябре 1905 года. Нелегальная, конечно.

Государство, наконец, замечает профсоюзы. Октябрьская и декабрьская политические стачки подавлены. Руководители ВЖС арестованы, организация разгромлена. Полностью уничтожить Союз не удалось, уже в декабре 1906 года на цивилизованной окраине Империи – в безопасной Финляндии – проходит третий съезд ВЖС.

В марте 1906 царское правительство принимает «Временные правила о профессиональных сообще-

Группа рабочих Ленских приисков, 1912 год.

ствах, учрежденных для лиц, занятых в торговых и промышленных предприятиях и для владельцев этих предприятий». Отныне профсоюзы учтены и поставлены под надзор полиции. Им запрещено участвовать в политической борьбе, проводить стачки, созывать съезды и конференции. Им запрещено – почти все. А железнодорожникам, работникам почт и телеграфов, государственным служащим и сельскохозяйственным рабочим вовсе нельзя объединяться в профсоюзы.

В Петербурге, Москве, Харькове и других промышленных центрах одно за другим возникают Центральные бюро профсоюзов. К началу 1907 года их 36. Они помогают бастующим и всегда на связи со стачечными комитетами. Но время еще не настало. Первая революция – проиграла. Репрессии все сильней.

В марте 1912 года на приисках Ленского золотопромышленного товарищества вспыхивает забастовка. Представим эти прииски. 50-метровые шахты. Вечная мерзлота. Работа по колено в воде. После смены – несколько километров до барачков. Мороз – минус сорок. А в пять утра, когда начинается смена – минус пятьдесят. Работают до 19:30 с двумя перерывами. Это официально. В реальности работали и по 16 часов.

Ничего удивительного, что рабочие Ленского прииска начинают стачку. Требуют лучших условий

труда, лучшего жалования, 8-часового рабочего дня. Руководителей стачечного комитета арестовывают. В знак протеста 2 000 рабочих выходят на мирное шествие. Солдаты открывают огонь. 200 убитых, 500 раненых.

«Так было, так и будет!» – говорит министр внутренних дел Российской империи Александр Макаров (самого его расстреляют только через 7 лет, а в 1912 году даже возможность этого кажется фантастической). Рабочие отвечают Макарову: по всей стране – волна забастовок протеста, митингов, демонстраций рабочих. Бастуют металлисты, текстильщики, нефтепромышленные рабочие, кожевники, печатники, бастуют все еще не разгромленные железнодорожники.

В 1914 году Россия вступает в новую войну – это потом ее назовут Мировой, а сейчас еще никто не знает, как разрушительна она окажется и как легко сотрет с карты Европы четыре империи. Количество стачек в стране снижается и вырастает вновь. К январю 1917 года почти все забастовки – политические.

Проигрывая на внешних фронтах, правительство делает все, чтобы разгромить внутреннего врага – тех, кого оно этим врагом назначило. Рабочих. Руководителей профсоюзов и рядовых активистов арестовывают сотнями. В 1916 году в Империи 100 профсоюзов, к началу 1917 – едва ли три десятка. Но нет, это не поражение. Это начало.

Глава 2.

Профсоюзы и революция

«Хлеба!» – кричат улицы. Стылый февраль превращает слова в пар. В начале 1917 года хлеб исчез из Петрограда. До настоящего голода еще далеко. Но – паника, беженцы, слухи о карточках. И хлеб скупают, хлеба нет.

На севере – Выборгская и Петроградская стороны, на юге – гигантский Путиловский завод, на западе – Александро-Невский район, на востоке – холодное море. Исторический центр в кольце рабочих районов – Петроград не сильно отличался от нынешнего Петербурга, если смотреть на него сверху. Но сверху смотреть некому: немногочисленные русские аэропланы – на фронте. Война полным ходом. Полтора миллиона в плену, мил-

лион в земле. А рабочие окраины начинают бунт – и сжимают кольцо.

«Грязный, унылый, запущенный. Очень широкий и очень прямой. По обеим его сторонам невысокие однообразные дома, краска на них пожухла, в архитектурном отношении они мало интересны. Он напоминает улицу где-нибудь на западе Америки, наспех построенную в разгар бума и захиревшую, когда бум прошел».

Таким видит Невский проспект будущий писатель и действующий сотрудник британской разведки Сомерсет Моэм. Люди ему нравятся больше: «Толпа производит впечатление добродушной, покладистой и покорной, не могу представить, чтобы

ДА ЗДРАВСТВУЕТ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ПРАЗДНИК ТРУДА
ДА ЗДРАВСТВУЕТ СОЦИАЛИЗМ

МОНЕТНЫЙ

ДВОРЬ

МОНЕТНЫЙ
ДВОРЬ

РАТНО-РЕВОЛЮЦИОННАЯ РЕСПУБЛИКА

Рабочая депутация на Дворцовой площади.
Санкт-Петербург, 1 мая 1917 года.

была способна наподобие пылких парижан вмиг перейти к бесчинствам и насилию».

Пока Моэм рассуждает, 130 тысяч человек выходят на Невский. Мало? Но это десятая часть населения города. Это как полтора миллиона на улицах современной Москвы. Митинги стихийны, однако рабочие неплохо организованы: помог опыт профсоюзной борьбы. «Хлеба!» – главный лозунг. И два других: «Долой войну!», «Долой самодержавие!»

Войну никто не собирается заканчивать. А у самодержавия есть план подавления революции. Он составлен еще в 1905 году. У него лишь одно слабое место: он подразумевает лояльность войск – тех 160 тысяч солдат, что все еще в Петрограде.

Утром 27 февраля восстает Волынский полк, через несколько часов бунтуют 20 тысяч человек. На Литейном проспекте они соединяются с бастующими рабочими. На следующий день захвачена Петропавловская крепость и другие ключевые здания. Лишь 3,5 тысячи полицейских сохраняют верность режиму. А еще через несколько дней наступает закономерный конец.

Может показаться, что Николай Второй злоупотреблял капслоком, но нет – это лишь официальное написание монарших местоимений.

«Въ эти решительные дни въ жизни Россіи почли МЫ долгомъ совести облегчить народу НАШЕМУ

тесное единение и сплочение всхъ силъ народныхъ для скорейшаго достиженія победы и, въ согласіи съ Государственною Думою, признали МЫ за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ СЕБЯ Верховную власть. Не желая разстаться съ любимымъ сыномъ НАШИМЪ, МЫ передаемъ наследіе НАШЕ Брату НАШЕМУ Великому Князю МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ».

Брат Михаил Александрович, впрочем, пишет почти такой же текст, но поскольку взрослые наследники закончились, он передает власть Временному правительству. Буднично и немного комично 3 марта 1917 года Россия прощается с монархией.

Временное правительство – не лучше царского. Оно тоже пытается ограничить деятельность профсоюзов, требует их регистрации, ссылаясь на царский указ 1906 года. Впрочем, рабочих хотя бы не расстреливают. Время другое, профсоюзы окрепли, а правительство, меняющее министров, как Распутин любовниц, – ослаблено. Апрельский закон «Об обществах и союзах» наконец разрешает гражданам эти самые союзы создавать. Спустя лишь несколько дней закон «О рабочих комитетах в промышленных предприятиях» вводит ограничения на деятельность профсоюзов и фабрично-заводских комитетов. Так – шаг вперед, два шага назад – действует Временное правительство.

А профсоюзы действуют напрямик. За первые два месяца после Февральской революции их создано свыше 2 000. Март – Всероссийский союз лесоводов. Апрель – Всероссийский союз землемеров. Май – Всероссийский союз рабочих и служащих на внутренних водах. Июнь – Всероссийский профсоюз служащих кредитных учреждений. Июль – Всероссийский союз моряков и речников торгового флота. Август – Всероссийский профсоюз служащих казначейств. Сентябрь – Всероссийский профсоюз рабочих и служащих цементных предприятий. Октябрь – Всероссийский производственный союз рабочих бумажных производств.

Численность потрясающая: в Москве в профсоюз текстильщиков вступает сразу 80 000 работников. К июлю только текстильные профсоюзы объединяют 240 000 человек. Всего в профсоюзах – полтора миллиона.

Возрождается ВУС. В марте – июне 1917 создается сначала бюро, а потом и полноценный Всероссийский почтово-телеграфный союз. В апреле железнодорожники из ВЖС избирают временный исполнительный комитет – Викжель. Его возглавляет эсер Александр Малицкий, в руководстве доминируют эсеры, есть большевики, меньшевики, беспартийные. В августе 1917 железнодорожники спасают страну от военной диктатуры, помогая остановить генерала Лавра Корнилова на подступах

к Петрограду. В сентябре – организуют всеобщую забастовку. Правительство почти сразу соглашается на прибавки к зарплате и обещает обеспечить особое питание – это уже осень, а не весна, и хлеба действительно не хватает.

Параллельно возникают фабрично-заводские комитеты. Рабочие явочным порядком устанавливают восьмичасовой рабочий день, вводят контроль за производством, борются за уменьшение штрафов, отмену сверхурочных работ.

Июнь 1917 года. Петроград. Третья Всероссийская конференция профсоюзов. 211 делегатов, тысяча профсоюзов, полтора миллиона рабочих и служащих. 73 большевика, 36 меньшевиков, 31 внефракционный социал-демократ, 25 эсеров, 11 бундовцев, шестеро представителей от группы меньшевиков-интернационалистов «Новая жизнь» и два человека от Социалистической еврейской рабочей партии.

Формируются два блока. Революционно-демократический (меньшевики и правые эсеры) требует политической нейтральности. Наша цель – экономическая борьба, говорят меньшевики. Им возражают большевики и левые эсеры из революционно-интернационалистического блока: стачка – средство политической борьбы и завоевания власти.

Источник фотографии: Библиотека Андрея Захарова
«История. Материалы и документы», zaharov.net.

**ТРЕТЬЯ ВСЕРОССИЙСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ ПРОФСОЮЗОВ
20-28 июня 1917 года**

Спорят – жарко. Приняты резолюции: о задачах профсоюзов, об экономической борьбе, о контроле над производством, о женском труде, о борьбе с безработицей. Конференция избирает Временный всероссийский центральный совет профессиональных союзов – он будет действовать до января 1918 года, когда ВЦСПС из временного станет постоянным. Председатель – меньшевик, блестяще образованный выпускник Берлинского политехникума Виктор Гриневиц. В прошлом один из создателей и лидеров профсоюзного движения печатников, теперь он – первый официальный лидер российского профсоюзного движения. В сентябре 1917 года его сменяет Василий Чиркин, меньшевик-интернационалист, токарь по металлу, один из организаторов профессионального движения рабочих металлистов.

Экономика разрушена войной. Положение работников критическое. Роль профсоюзов вырастает, им верят. И это понимает правительство. Министерство труда пытается восстановить на фабриках и заводах единоначалие. Август 1917 года: у фабрично-заводских комитетов отнимают контроль за наймом рабочих. Специальным циркуляром запрещается созыв собраний и заседаний комитетов в рабочее время. Новый глава временного правительства Александр Керенский разрешает расстреливать бастующих на месте.

Но страх не помогает. К осени 1917 года промышленность России встает. Забастовки продолжаются неделями. Бастуют целые регионы. Бастуют 300 000 текстильных рабочих Иваново-Кинешемской промышленной области. Бастуют 110 000 кожевников, требуя утвердить тарифный договор. Бастуют и побеждают. Профсоюзы парализуют промышленность. Рабочие учатся диктовать свои условия. Скоро октябрь.

Шестой делегатский съезд Всероссийского учительского союза в
Петрограде с 1 по 12 августа 1917 года.

Глава 3.

Вместе с властью и против власти

Сколько снято кино про героев Гражданской! Они стреляют без промаха, скачут без усталости, отрубая белогвардейцам усы и спасают корону российской империи за полтора часа экранного времени. Но нет героических фильмов и книг про борьбу на профсоюзном фронте. А она тоже была жаркой. И большевики, и профсоюзы были уверены, что действуют во благо рабочих, но слишком по-разному понимали это благо.

В 1905 профсоюзы боролись с царем, летом 1917 – с министрами-капиталистами, осенью начинают борьбу с большевиками. Кто активней проявил себя в 1905, тот и в 1917 сохраняет запал. Главные критики новой власти – ВУС, Всероссийский союз печатников и Викжель.

«1) Викжель относится отрицательно к захвату власти одной какой-либо политической партией;

2) власть должна быть революционно-социалистической и ответственно перед полномочным органом всей революционной демократии;

3) впредь до организации такой власти все распоряжения по всему ведомству путей сообщения, в том числе и по всей сети железных дорог, подлежат исполнению лишь в том случае, если они исходят от Викжеля».

Это постановление принимают 26 октября 1917 года – в первый день новой эпохи. Грозой всеобщей забастовкой железнодорожников, Викжель требует «прекратить гражданскую войну и создать однородное социалистическое правительство от

большевиков до народных социалистов включительно». Требование кажется многим нереальным, Викжель колеблется, но компромисс найден: член Викжеля Марк Елизаров становится первым советским наркомом транспорта. В Петербурге есть станция метро «Елизаровская» – это в его честь. Впрочем, Викжель недолго диктует условия: в январе 1918 он раскалывается почти пополам по вопросу поддержки Учредительного собрания. На руинах возникают Викжедор и Всепрофжель, а в марте 1919 – покорный большевикам Всероссийский профессиональный союз рабочих и служащих железнодорожного транспорта.

В декабре 1917 начинают бастовать учителя. Из 4 000 московских учителей только 30 не поддерживают забастовку. ВУС вступает в Комитет спасения родины и революции, созданный представителями социалистических и демократических партий. Тактика большевиков неизменна: сначала они создают альтернативный Союз учителей-интернационалистов, потом распускают ВУС как контрреволюционную организацию. Что не сделали царские палачи, сделали братья-рабочие.

Дальше на очереди – печатники. Их волнует – как и учителей – что со свободой слова у большевиков проблемы. «Новая власть проводит политику, враждебную печатникам, гонения на печать

добили почти типографскую промышленность», – заявляет профсоюзный лидер Макс Камермахер. Большевики честно борются за власть в профсоюзе, но с треском проигрывают выборы в Центральное правление Союза печатников Петрограда в апреле 1918 года. Ликует меньшевистский «Новый луч»: «Петроградский союз печатников стал первым Союзом, который под давлением массы своих членов решил порвать с той губельной для профдвижения тактикой, которую насильно навязывают ему большевики». И вновь большевики раскалывают союз надвое. Бывшие лидеры Илья Буксин, Александр Девяткин, Николай Чистов арестованы: они рискнули пожаловаться английской рабочей делегации на плохие отношения с советской властью.

В январе 1918 года проходит первый Всероссийский съезд профсоюзов. 416 делегатов представляют свыше 2,6 миллионов рабочих. На съезде большевики и левые эсеры предлагают огосударствить профсоюзы, превратить их в органы советской власти. Меньшевики против: «Профсоюзы должны и впредь оставаться свободными и независимыми объединениями классовой борьбы пролетариата». За большевистскую резолюцию голосует 182 делегата из 328. Председателем ВЦСПС становится Григорий Зиновьев, в октябре его сменяет Михаил Томский – человек с фантастической биографией, о котором мы еще услышим.

В январе 1919 года – второй съезд, 648 делегатов представляют 3,5 миллиона человек. В апреле 1920 года – третий, гигантский: 1 226 делегатов и 4,3 миллиона. Отвечая меньшевикам, выступавшим за независимость профсоюзов, Томский говорит: «Линия поведения правильна и никакому изменению не подлежит. Она оправдана историей. Не может быть крепкой и сильной диктатуры пролетариата без крепких и сильных профессиональных союзов».

Может показаться, что в начале двадцатых профсоюзы расколоты, а большевики монолитны. Это не так. В партии три фракции, три платформы.

Идеологи «Рабочей оппозиции» – Александр Шляпников и Александр Коллонтай. Они предлагают передать управление всем народным хозяйством «всероссийскому съезду производителей». Все органы управления народным хозяйством должны избираться только соответствующими профсоюзами, причем кандидатуры не могут быть отведены партией.

«Производственную оппозицию» возглавляет Лев Троцкий – еще не объявленный предателем и шпионом, еще не желчный изгнанник, пока еще могущественный вождь № 2, председатель Революционного военного совета республики. «Орудием государственного принуждения является его военная сила, – говорит Троцкий. – Следовательно, элемент

милитаризации неизбежно присущ переходному хозяйству, основанному на всеобщей трудовой повинности. Руководящая роль в этой работе должна, наряду с партией, лечь на профессиональные союзы, в состав которых должны быть возвращены лучшие рабочие, прошедшие военную школу».

Третья группа – «платформа десяти». Она самая блестящая по составу: это и Ленин, и Сталин, и позже расстрелянные Зиновьев и Каменев, и переживший репрессии дедушка Калинин, и председатель ВЦСПС Михаил Томский. «Профсоюзы суть школа, школа объединения, школа солидарности, школа защиты своих интересов, школа хозяйничанья, школа управления», – говорит Ленин. Взгляды «Рабочей оппозиции» он называет «Очевидным уклоном в сторону от партии, в сторону от коммунизма». На десятом съезде РКП (б) в марте 1921 года сторонники Ленина побеждают. Отныне профсоюзы зависимы: от партии и от ее руководителя лично. Схватка Ленина, Троцкого и Шляпникова определяет не только судьбу профсоюзов, но историю страны на 70 лет вперед: съезд принимает резолюцию «О единстве партии» – распустить все фракции и не допускать их появления.

А дальше все происходит очень быстро. В мае 1921 года четвертый Всероссийский съезд профсоюзов постановляет, что «профсоюзы являются мощ-

Александр Шляпников (1885–1937). Один из основателей Всероссийского союза рабочих металлистов (ВСРМ) в 1917 году. Председатель Временного центрального комитета, а затем Центрального комитета ВСРМ в 1917–1921 годах. Один из лидеров и теоретиков Рабочей оппозиции в 1919–1922 годах. Расстрелян во время «Большого террора» 2 сентября 1937 года.

ным базисом диктатуры пролетариата и органами экономической самостоятельности широких пролетарских масс в общегосударственном масштабе». В сентябре 1922 на пятом съезде объявлено, что «несмотря на неизжитые еще недостатки вся руководящая работа ВЦСПС в общем и целом шла в полном соответствии с очередными потребностями момента». В ноябре 1924 года шестой съезд переименовывает ВЦСПС из Всероссийского во Всесоюзный. В этом году на карте мира появляется новое государство – СССР, и оно далеко от идеалов Советской Республики. Из года в год съезды и решения – все формальной.

Одновременно вновь начинает набирать силу забастовочное движение. Все забастовки внимательно фиксируются ОГПУ. Требования преимущественно экономические – повысить расценки, снизить нормы выработки. В августе 1924 года несколько дней бастуют 3 000 грузчиков Ленинградского морского торгового порта, требующих повышения тарифа.

Звучит и политическая критика власти. В мае 1925 года на владимирской фабрике «Профинтерн» идут разговоры о том, «что теперь хуже, чем при царе». На ряде предприятий отмечаются выступления: «Везде и всюду коммунисты занимают ответственные посты, не будучи избранными народом»,

«Коммунистическая партия своими действиями только отгалкивает рабочих».

В конце 1920-х годов партийное руководство берет курс на форсированную коллективизацию и индустриализацию. Против – «Правая оппозиция». Ее возглавляют трое. Член Политбюро и блистательный теоретик Николай Бухарин, председатель СНК (советский премьер-министр) Алексей Рыков и уже знакомый нам председатель ВЦСПС Михаил Томский.

Усатый человек с невыразительным лицом, большевик с 1904 года, во всем и всегда он поддерживал Ленина, во всем и всегда противоречил Троцкому – а тот, кстати, писал о нем с огромным уважением. Томский бежал из ссылки (оттуда и сибирский псевдоним), жил в Лондоне, открыл в Петербурге тайную типографию, несколько лет провел в Бутырке, стал лидером советских профсоюзов – а теперь объявлен их главным врагом.

Бухарин, Рыков и Томский уверены, что административно-командными методами экономику не построишь. Они за плавный переход от НЭПа к социализму. Весной 1929 года взгляды «тред-юниониста» Томского, наряду с Бухариным и Рыковым, подвергнуты партийной критике. Обвинение простое: противопоставление коммунистов-профработников руководящим партийным органам.

Михаил Томский (1880—1936). Председатель ВЦСПС в 1918—1921, 1922—1929 годах. Фотография сделана в Москве в 1923 году.
Источник фотографии: ТАСС, www.tassphoto.com.

Бухарин и Томский отправлены в отставку. В начале тридцатых «тред-юнионисты» повсеместно исключаются из профсоюзов.

А потом рабочие начинают стрелять в рабочих. Профсоюзы – как и все – становятся жертвами параноидального массового террора. В конце тридцатых убиты тысячи работников профсоюзов. Страшно читать эти списки. Председатели месткомов и их заместители, профорги, рядовые рабочие. Бесконечные столбцы фамилий. И возле каждой – должность и причина «снятия». Как правило, стоит одно слово: «арестован». Иногда три: «изъят органами НКВД».

В социалистическом искусстве нет и не может быть конфликта, потому что при социализме нет и не может быть общественных противоречий. Такovy итоги дискуссии, прошедшей в 1940 году в журнале «Под знаменем марксизма». Дискутируют философы и литературоведы, но вопрос не литературоведческий. Теория бесконфликтности входит в моду. Пропаганда создает иллюзию общества всеобщего согласия, где нет места социальному протесту. Формально в СССР никогда не запрещали стачки и забастовки. Фактически любое недовольство трудящихся жестоко наказывается.

Из 11 секретарей ВЦСПС, работавших в тридцатые, девять расстреляны. Десятый – Томский.

Вот что пишет про него Троцкий: «Томский был, несомненно, самым выдающимся рабочим, которого выдвинула большевистская партия, а пожалуй, и русская революция в целом. Маленького роста, худощавый, с морщинистым лицом, он казался хилым и тщедушным. На самом деле годы каторжных работ и всяких других испытаний обнаружили в нём огромную силу физического и нравственного сопротивления. В течение ряда лет он стоял во главе советских профессиональных союзов, знал массу и умел говорить с ней на её языке».

Вот что Томский пишет Сталину: «Я обращаюсь к тебе не только как к руководителю партии, но и как к старому боевому товарищу, и вот моя последняя просьба – не верь наглой клевете Зиновьева, никогда ни в какие блоки я с ними не входил, никаких заговоров против партии я не делал».

А вот что пишет «Правда»: «Кандидат в члены ЦК ВКП(б) М. П. Томский, запутавшийся в своих связях с контрреволюционными и троцкистско-зиновьевскими террористами, 22 августа 1936 года на своей даче в Болшеве покончил жизнь самоубийством».

Глава 4.

Оттепель и застой

«Бессмертное имя Сталина всегда будет жить в сердцах советского народа и всего прогрессивного человечества». Это строчка из утренней «Правды» – 6 марта 1953 года. Так, под плач газет и растерянное молчание граждан, начинается новая эпоха.

«Он принял страну с сохой, а оставил с атомной бомбой» – фразу приписывают Черчиллю, но он ничего такого не говорил. На самом деле эта похвала Сталину – из некролога британского историка Исаака Дойчера. Он был и прав, и не прав одновременно.

Итак, пятидесятые. Несравненные сталинские небоскребы. Зеленые парки. Речные трамвайчики. Мороженое. Счастливые лица на старых фото. Поет

и танцует Гурченко. Гениальным фильмам Калатозова аплодируют в Каннах.

Фасад прекрасен, но это фасад. А большинство рабочих и крестьян по-прежнему живет в избах и бараках. Темпы строительства низкие, хотя значительно выше, чем в современной России. Избенка стоит 8 тысяч рублей – называется «жилой дом двухкомнатный с кухней, деревянный рубленый». Средняя зарплата – 600 рублей. Забавная бытовая диалектика: года за полтора можно скопить на плохонький, но домик, зато месячной зарплате хватает только на один костюм или четыре пары ботинок.

Жизнь идет потихоньку, со своими горестями и радостями. Горестей по-прежнему больше, чем

радостей, и люди по-прежнему недовольны, хоть и разучились выражать недовольство.

Но не все. Карагандинская область. Казахская Магнитка. Здесь возведут завод, крупнейший в СССР. Городок называется Темиртау. Край света. Палящий август. Строители – комсомольцы со всех концов страны. Энтузиазм, глаза горят. Людей не кормят. И не поят. Живут они в палатках. Не то что бы их мучают специально – просто перебои со снабжением. Зато болгарские рабочие, которых тоже пригнали на стройку, сразу получают и питание, и обслуживание. И комсомольцы, движимые ревностью пополам с самым обычным голодом, – восстают. Они громят столовую и универмаг: есть хочется. Солдаты отказываются стрелять в рабочих – чай не царские времена.

3 августа 1959 года в Темиртау вводят регулярные войска. В ночь с 3 на 4 августа 1959 года бунт полностью подавлен. 11 трупов. 70 человек арестованы, многие приговорены к расстрелу. Приезжает Брежнев – молодой и довольно популярный секретарь ЦК, еще не думающий о верховной власти. Он и разруливает ситуацию. Восставшие восстанавливают, что разгромили. В обмен – нормальные условия труда. Кровавая, но победа. Наверно, поэтому почти никто и не вспоминает о восстании. Как не вспоминает и о Рудном, где летом 1962 года ар-

стована подпольная группа, пытавшаяся организовать забастовки.

Зато Новочеркасск помнят все. Потому что трагедия случилась не при кровавом Сталине, а при ласковом Хрущеве, и не на краю света, а в европейской части России. В самый разгар оттепели. 1 июня 1962 года работники Новочеркасского электровозостроительного завода приходят к управлению, требуя увеличить зарплату. Неделей раньше по всей стране вырастают цены на мясо и масло. А дирекция завода почти на треть увеличивает норму выработки – то есть, фактически, на треть понижает зарплату.

К работникам НЭВЗа присоединяются работники с других заводов города. К середине дня бастуют 5 000 человек, перекрыта железная дорога. Забастовка охватывает весь город. Профсоюзы в ней не участвуют, но рабочие выдвигают своих лидеров – стихийных. Слесарь-сборщик электровозостроительного завода, 24-летний Петр Сиуда выступает перед рабочими. Он требует продолжать забастовку, сохранять выдержку и организованность, послать делегатов на другие заводы, идти в город демонстрацией, выработав и предъявив власти свои требования.

Утром 2 июня тысячи жителей Новочеркаска идут к зданию горкома, возле которого плавится

Демонстрация около металлургического комбината в Темиртау.
1950-е годы.

Протестная демонстрация в Новочеркасске.
1—2 июня 1962 года.

на солнце чугунный Ленин. Они скандируют почти как те, другие рабочие скандировали в феврале 1917. «Мяса!» – кричат они. «Масла! Повышение зарплат!» В руках – красные знамена и портреты Ленина.

Удивительны свидетельства очевидцев. Они как будто из другой, революционной эпохи.

«Город был пустой. Я увидел цепь солдат, ими командовал какой-то офицер, а ниже, около Триумфальной арки, стояли танки. К танкам приблизилась толпа людей, несколько сотен человек. Они спокойно перелезли через танки, пошли дальше. Рабочие приблизились к солдатам. Из толпы закричали: «Что, на рабочих оружие?!» Люди в первой шеренге сцепились друг с другом локтями и пошли на солдат. Они смяли цепи солдат, и рабочие пошли дальше...»

«Впереди шли дети – пионеры в красных галстуках. От колонны отделилась часть людей, и они кинулись к дверям исполкома, смяв охрану, ворвались в здание. На балкон вышел председатель горисполкома Замула, но он ничего не успел сказать народу, так как был смят ворвавшимися людьми... Затем на балконе появились опять эти люди и стали бросать с балкона портреты руководителей партии и правительства. Одна женщина трясла над голо-

вой батоном колбасы и кричала: «Смотрите, что они жрут!»

«... Мы шли так, как не ходили даже на демонстрацию. Четкие ряды шеренг. Знамена. Единый порыв, сплотивший нас. И понеслось над колонной: «Смело, товарищи, в ногу!», «Вставай, проклятьем заклейменный!» Мы совсем не напоминали группу хулиганствующих элементов, какими были впоследствии представлены. Да и хороша была группа – чуть ли не половина населения города. Мы шли не захватывать власть, а выразить свой протест против невыносимых условий жизни, выдвинуть свои экономические требования, хотели, чтобы нас просто выслушали».

Но слушать их никто не собирался. Чтобы раздавить Новочеркасское восстание, не понадобилось танков. Хватило пятидесяти автоматчиков, стреляющих по толпе в упор. Погибло 20 человек, десятки ранены, остальные разбежались. Сотни человек получили сроки. Семеро рабочих расстреляны как зачинщики. Есть улицы, названные в честь героев революции, но нет улиц, названных в их честь: Александр Зайцев, Андрей Коркач, Михаил Кузнецов, Борис Мокроусов, Сергей Сотников, Владимир Черепанов, Владимир Шуваев.

После новочеркасской трагедии не было ничего. Вообще ничего. И даже не в репрессиях дело –

Арест Льва Волохонского (1945—2003), диссидента, члена Совета представителей Свободного межпрофессионального объединения трудящихся (СМОТ).
Ленинград, 1979 год.

эпоха застоя прославилась не ими – а в превентивных мерах и той атмосфере апатии, которую сейчас принято называть «совком».

ВЦСПС – официальные советские профсоюзы – из вдохновителей рабочего класса превращаются в его сторожей. Они занимаются охраной труда, социальным страхованием, отдыхом, выдают знаменитые профсоюзные путевки. Подслащивают пилюлю.

В 1977 году возникает «Свободный профсоюз», его инициатор – донецкий инженер Владимир Клебанов, который пытается привлечь внимание к условиям труда шахтеров. В 1978 году создается Свободное межпрофессиональное объединение трудящихся (СМОТ). Основная задача СМОТ – «взаимопомощь и взаимоподдержка трудящимися друг друга и содействие осуществлению их социальных и политических прав». Во главе его Совет представителей: инженеры Людмила Агапова и Александр Иванченко, математик Валерий Сендеров, электрик Владимир Борисов, рабочий Лев Волохонский, географ Евгений Николаев и библиотекарь Валерия Новодворская – да-да, та самая. Оба проекта мертворожденные: КГБ почти сразу берет их под наблюдение и задерживает ключевых участников.

Не имея возможности свободно объединяться в профсоюзы, рабочие и инициативные группы,

пытающиеся открыто обсуждать социально-трудовые проблемы в СССР, становятся частью диссидентского и правозащитного движения.

В официальных советских профсоюзах никаких перемен не происходит. В октябре 1990 года на фоне охвативших Советский Союз забастовок и протестов проходит 19-й съезд профсоюзов СССР, который констатирует, что профсоюзы превратилась в «общественно-государственную организацию, вмонтированную в административно-командную систему». Съезд принимает решение упразднить ВЦСПС.

Глава 5.

Первые независимые

1989 год. Перепутье. Хвосты очередей уже загибаются за угол, но талонов на сахар еще нет. Сухой закон уже в силе, но паленая водка «Распутин» еще не в моде. Советский Союз шатается, как пьяный, но мало кто верит, что он рухнет всего через два года. По стране бродит призрак не то, что бы революции, но каких-то загадочных перемен.

Каждому времени – свои оправдания. Каждое время по-своему объясняет, почему жить не становится лучше и веселей. В тридцатые во всем виноваты троцкисты и японские шпионы. В пятидесятые – безродные космополиты. В наше время – загадочный «Запад». В конце восьмидесятых, на излете СССР, в эпоху международной разрядки

и смягчения нравов найден новый враг: «отдельные недостатки».

Нет колбасы или она из бумаги? Это отдельный недостаток советской колбасной промышленности. В аптеках не хватает зеленки и ваты? Да, недостаток, но временный, отдельный.

К концу восьмидесятых этих недостатков скапливается столько, что их уже нельзя, недопустимо рассматривать по отдельности. Страна волнуется, страна протестует.

В авангарде протеста – шахтеры. Потому что им хуже всех. Средняя продолжительность жизни советского человека выше, чем современного российского: 71 год. Но только не у шахтеров. У них – 38. Как до революции.

Вначале становится трудно дышать. Потом кашель – редкий, сухой. Дальше боль в груди. Не очень сильная. Но с каждым днем сильней. Кашель становится постоянным. Накатывает бессмысленная усталость. Пропадает аппетит. Вслед за легкими отказывает сердце. Дальше – смерть. Это силикоз. Это когда песок забивает легкие. Профессиональная болезнь шахтеров.

Шахтеры вступают в борьбу в июле 1989 года. До этого в течение нескольких месяцев кратковременные забастовки вспыхивают на шахтах Кузбасса и Воркуты. Однако именно в июле с выступлений на шахте имени Шевякова в Междуреченске поднимается волна многотысячного забастовочного движения.

10 июля 1989 года горняки всех трех смен шахты имени Шевякова отказываются спускаться в забой и предъявляют администрации около 20 требований. Главные из них связаны с оплатой труда в вечернее и ночное время, с установлением единого выходного дня, обеспечением шахт и шахтеров моющими средствами и питанием во время работы под землей.

В центре Междуреченска ежедневно проходят митинги, собирающие до нескольких тысяч человек. Действует забастовочный комитет шахты во главе с горным инженером Валерием Кокориным.

Забастовщики отправляют делегации на соседние шахты – «Распадскую», имени Ленина, «Томскую», «Усинскую» – с просьбой поддержать.

Уже через несколько дней забастовка охватывает все шахты Кемеровской области. На центральных площадях круглосуточные митинги. Бастуют 180 тысяч человек.

Повсюду в городах и шахтах Кузбасса, а затем и по всей стране возникают рабочие и забастовочные комитеты. Кое-где их даже регистрируют официально. Так создаются «Совет рабочих комитетов Кузбасса», «Союз рабочих Челябинска», «Демократическое рабочее движение» шахтерского поселка Воргашор и другие структуры. Они продолжают работу и в последующие годы.

В некоторых городах – реальное двоевластие, как в революционном Петрограде. Характерная сцена: Кемеровский горисполком, кабинет № 52 с самодельной табличкой «Забастовочный комитет», возле кабинета – огромная очередь. Социалистический идеал в отдельно взятом городе: рабочие решают вопросы рабочих. Официальная власть просиживает штаны в горкоме партии и ничего не может сделать: в самом деле, товарищи, мы что, против пролетариата?

Волнения перекидываются на другие шахтерские регионы. Бастуют в четырех республиках. Ба-

Митинг шахтеров Кузбасса на центральной площади Прокопьевска,
15 июля 1989 года.

ступают Кузбасс, Донбасс, Печерский и Карагандинский угольные бассейны. На одном лишь Донбассе встают 88 шахт. 43 тысячи человек требуют очень простых вещей. Увеличить им отпуск, платить за ночные смены, и – приравнять, наконец, силикоз к производственной травме. В Беларуси начинают бастовать шахты Солигорска. Правительство не рискует сердить шахтеров и почти сразу идет на уступки: постановление № 608 предусматривает программу мер по улучшению их положения. Но этого мало.

В СССР есть официальный профсоюз угольщиков, но все, на что он способен – устроить путевку в Туапсе. 28 марта 1990 года на его очередном съезде воркутинцы заявляют: нужен новый, всесоюзный, независимый съезд горняков. И он проходит в июне 1990 года в бастующем Донецке. Большинство его участников – за создание нового профсоюза. Рабочие требуют политической независимости.

«Мы требуем, чтобы КПСС уже сегодня была лишена привилегированного положения на наших предприятиях! – говорят шахтеры. – Парткомы и комитеты ВЛКСМ должны быть выведены с территории предприятий и учреждений. Льготный стаж, который идет освобожденным партийным и комсомольским работникам, должен быть отменен. Мы считаем, что в условиях становления

многопартийности должен быть решен вопрос о национализации созданной народом собственности КПСС, а также созданы равные возможности для деятельности партий».

11 июля 1990 года шахтеры проводят однодневную политическую забастовку во всех угледобывающих районах страны, а уже в октябре в Донецке возникает Независимый профсоюз горняков СССР. Первый председатель Исполнительного бюро НПП – Геннадий Озоровский (Караганда), заместители председателя – Павел Шушпанов (Донбасс) и Александр Сергеев (Кузбасс).

В феврале 1991 года, на первом Совете представителей Независимого профсоюза горняков, сформулированы требования к союзным властям. Главное – экономическое: заключить между профсоюзом и правительством Генеральное тарифное типовое соглашение, гарантирующее нормальный жизненный уровень.

Идет борьба, успехи есть, но все-таки рабочий класс раздроблен. Горняки не знают о железнодорожниках, а те – о парикмахерах. Да-да, в конце восьмидесятых парикмахеры тоже учатся бастовать. Но как соединить очаги сопротивления в один большой пожар? Как координировать протест? Как обмениваться опытом?

2 мая 1990 года на Съезде независимых рабочих организаций (400 делегатов из 46 городов) возникает Конфедерация труда. Встреча проходит в Новокузнецке, центре шахтерского движения, и вполне логично, что во главе КТ встают кузбасские шахтеры Юрий Герольд и Вячеслав Голиков, отлично проявившие себя на забастовках 1989 года. Третий сопредседатель КТ – минский рабочий Михаил Соболев. Мало кто догадывается, что всего через год Белоруссия выйдет из состава СССР. Именно Соболев станет основателем независимых профсоюзов независимой Белоруссии.

А пока новорожденная Конфедерация труда в пока еще цельном Советском Союзе объединяет почти все независимые профсоюзы. К рабочим присоединяется интеллигенция, политизированная публика из дискуссионных клубов. Из этой среды выходит и секретарь КТ Илья Шаблинский. Он организует юридическую и информационную поддержку первых стачек. В СССР по пальцам одной руки можно пересчитать людей, знающих слово «пиар», но Шаблинский, сам того не ведая, становится отличным пиарщиком, а тогда бы сказали – организатором и пропагандистом рабочего движения.

Однажды «Декларацию основных принципов Конфедерации труда» будут изучать, как «Манифест коммунистической партии» или «Апрельские тезисы».

Ну, может и не совсем так. Но это прекрасный, поэтичный документ. Писали его коллективно, но особенно стоит выделить Галину и Бориса Ракитских, ученых-экономистов, создателей Школы трудовой демократии. Борис Ракитский и сейчас продолжает продолжает научную и образовательную работу для профсоюзного движения, а жена его уже умерла. Один из памятников ее жизни – этот текст.

«Мы не надеемся на добрых вождей и заботливых номенклатурных руководителей. Мы выступаем не за обновление кадров при сохранении прежнего характера и прежней структуры власти, а за замену командно-карательных методов управления демократическими. Мы будем отстаивать право трудящихся на историческое творчество».

Текст полон перестроечного пафоса и советского идеализма. Полон восклицательных знаков. Это артефакт из эпохи мечтателей. С ним не всегда можно согласиться. Но кое в чем он и сейчас стоит как руководство к действию: бери и борись.

«Цель рабочего движения – не просто лишний рубль и не конфронтация ради конфронтации. Мы боремся за достойную жизнь для нас и наших детей, за добровольный и спокойный, эффективный труд! Сплоченность, стойкость, солидарность – вот что обеспечит нам победу!»

РАБОЧЕЕ - НЕТ
ПАРТЮКРАТИИ И БЮРОКРАТИИ!

Забастовка шахтеров, 1989 год.

Источник и автор фотографии: Валерий Матыцин /ТАСС, www.tassphoto.com.

«Наша сила в единстве действий! Не будем зазнаваться. Рабочее чванство не лучше высокомерия интеллигенции. Прогрессивная интеллигенция, компетентные специалисты, честные управленцы – наши надежные союзники, наши товарищи!»

В конце восьмидесятых рабочие отлично понимают: всякая тирания действует по принципу «разделяй и властвуй», нет смысла играть ей на руку. Экономических требований недостаточно, это рабочие тоже понимают очень хорошо. «Без демократии и реформ не может быть радикальных улучшений жизни людей труда. Но запаздывающая политизация не вина, а беда трудящихся. Без увязки с политической борьбой экономические завоевания непрочны и их быстро отберут назад».

А на дворе 1990 год.

24 июля, Ульяновск. Бастуют библиотекари.

26 июля, Сыктывкар. Бастуют – редкий случай – продавцы продуктовых магазинов: в городе погром, пострадали их товарищи.

29 июля, Тольятти. Бастуют рабочие двух цехов «АвтоВАЗа».

29 июля, Грозный. Работники местной газеты бастуют против назначения нового главного редактора. Попробуйте представить такое сегодня.

5 августа, Свердловск. Водители троллейбусов требуют улучшения условий труда.

7 августа, Архангельская область. Рабочие Ньюского лесспромхоза требуют повысить зарплату.

11 августа, Свердловская область. Врачи больницы в поселке Гари требуют того же самого. Сейчас там и вовсе нет больницы.

15 августа, Ленинград. Голодают работники газеты «Смена».

26 августа, Пермь. Бастуют литейщики.

28 августа, Ленинград. Бастуют водители трамваев, повод – плохое питание в столовой.

Ленинградцы вообще молодцы. За один лишь август 1990 года в одном лишь Ленинграде возникает сразу семь независимых профсоюзов: фабрики музыкальных инструментов, парикмахеров, трамвайного парка, автобусного парка, Ленсетьстроя, завода имени Карла Маркса и профсоюз «Справедливость».

Не отстает и Москва: токарь высшего разряда Василий Мохов, рабочий-зиловец из семьи точно таких же рабочих-зиловцев, стоит у истоков независимого профсоюзного движения. На первых свободных выборах в Моссовет в марте 1990 года он избирается депутатом, и уже в мае вместе в во-

Протестующие шахтеры совещаются в рабочем комитете.
Новокузнецк, март 1991 года.
Источник и автор фотографии: Дмитрий Коробейников/
РИА Новости, visualrian.ru.

семью другими депутатами демонстративно выходит из КПСС.

Возникает объединение профсоюзов «Соцпроф», в котором Василий Мохов ведет активную работу. Вскоре в объединении 50 ячеек по всему СССР.

Все эти организации малочисленны. Но поднимаются и большие профсоюзы, целые отрасли начинают борьбу. Февраль 1989 года – создается Ассоциация летного состава гражданской авиации. Апрель 1989 года – Всесоюзная ассоциация авиадиспетчеров, вскоре преобразованная в Федерацию профсоюзов авиадиспетчеров. Май 1990 года – Всесоюзная конфедерация профсоюзов работников кооперации и других форм свободного предпринимательства. Октябрь 1990 года – Независимый профсоюз горняков. Декабрь 1990 года – объединение производственных профсоюзов «Защита». Март 1991 года – Межреспубликанский профсоюз моряков.

За что бьются рабочие? Как в 1917 году: за хлеб. Иногда – в буквальном смысле слова. Можно сколько угодно смеяться над ленинградскими трамвайщиками, которые подняли бунт из-за питания в столовой. Но не до смеха тем, кто помнит, как кормили в конце восьмидесятых.

Как мстят рабочим? Все средства хороши. Можно поставить членов профсоюза на самые трудные работы. Уволить лидера по плевому поводу. Иногда достаточно просто лишить путевки. Рабочие отвыкли бороться, они слабы духом. А тех, кто силен, путевкой не напугать. Их убивают и калечат. Лидеру свободного профсоюза Когалыма (Тюменская область) проламывают череп и отрезают ухо.

Вы скажете – лихие девяностые? Их ярость, голод, беспредел? Но девяностые начинаются в восьмидесятые.

И все же это хорошее время. При всех его трудностях и «отдельных недостатках». Время, когда рабочие заново учатся бороться, как лежачий больной – ходить.

Глава 6.

Независимые профсоюзы.

Победы и поражения девяностых

«Роль личности в истории». Услышав эти слова, мы представляем какого-нибудь императора, полководца или иную титулованную дрянь.

Но личности бывают разные.

Владимир Васильев титулов не снискал. Родился в 1947 году. Вырос в детском доме. Разнорабочий в совхозе. Формовщик на заводе «Водоприбор». Водитель троллейбуса в Филях. Первую забастовку организовал в 18 лет, когда работал в бригаде каменщиков. В общем, эталонный работяга. 20 лет был докером в Ленинградском порту. А в 45 лет – незадолго до пенсии, докеры уходят рано – он почти в одиночку создает Российский профсоюз докеров. Рассказывают, что Васильев просто приходил в не-

знакомый порт, говорил с рабочими по душам – и уходил, оставляя за спиной новую первичку.

Докер – это не просто портовый грузчик. Докер – универсален. Краны, бульдозеры, экскаваторы, стакеры, реclaimerы – вот неполный список машин, на которых работает докер-механизатор. Что с того, что корабль обошел и пиратов, и бури, если в порту его не разгрузят. Или разгрузят, но неторопливо, с усмешкой, четко следуя инструкциям. Такова итальянская забастовка – любимый метод докеров.

Российский профсоюз докеров начинает работу 25 июня 1992 года, сразу по всей стране: в Мурманске, Туапсе, Новороссийске, Владивостоке и других крупнейших портах. Особенно успешна борьба пе-

тербургского профсоюза. Петербургские докеры устраивают три большие акции протеста, каждый раз добиваясь продления коллективного договора на выгодных для себя условиях. Пример докеров вдохновляет рабочих других профессий – а Владимир Васильев, уже почти пенсионер, помогает организовать в регионе автотранспортные профсоюзы.

К середине девяностых у докеров профкомы в 13 портах. 9 апреля 1996 года докеры доказывают, что они – реальная сила. Пять тысяч человек бастуют по всей России, требуя сохранить рабочие места. Они бастуют с востока на запад – от Петропавловска-Камчатского до Санкт-Петербурга. И с севера на юг – от Архангельска до Новороссийска. И они побеждают.

На море докеры не одиноки. С ними плечом к плечу – моряки. Докер привязан к земле, а моряк на то и моряк, чтоб бывать в дальних краях. Моряки видят, сколько получают их зарубежные товарищи, работая в точно таких же условиях и на похожих судах. Недовольные несправедливостью, они поднимаются на борьбу еще раньше докеров: в конце восьмидесятых. В 1990 году моряки впервые заявляют о себе как об организованной силе, требуют – и добиваются – валютных выплат экипажам атомных ледоколов. И снова – роль личности. Не будь простого механика по имени Игорь Павлов,

не было бы объявления забастовки ледокольного флота, с которой и начались моряцкие победы.

Российский профсоюз моряков возникает 25 ноября 1991 года. Это первый транспортный профсоюз новой, постсоветской России. Моряки редко бастуют. Как правило, им достаточно просто пригрозить. Весной 1992 года Арктическая организация РПСМ под руководством все того же Игоря Павлова обещает остановить движение ледоколов по Северному морскому пути. И правительство Гайдара сразу же обещает платить валютой не только экипажам дальнего плавания, но всем, кто удаляется от берега дальше 12 морских миль: ледокольщикам, спасателям, гидрографам.

На рубеже девяностых те, кто бороздят не моря, а небеса, тоже учатся бороться за права. И в борьбе летчиков тоже сыграла роль одна удивительная личность: Альфред Малиновский. Еще в 1959 году слушатели курсов переподготовки военных летчиков пишут лично генсеку: плохо организовано обучение. У власти либеральный Хрущев, но событие все равно немыслимое даже для оттепели. Инициативную группу неугомонных студентов возглавляет именно Малиновский.

Он проходит долгий путь. Военный летчик, пилот почтовых авиалиний, командир летного отряда гражданской авиации в Казахстане, нако-

СЪЕЗД
КПСС

ИЮНЬ
1990

Последний XXVIII съезд КПСС. Москва, июль 1990 года. Игорь Павлов избран делегатом съезда от парторганизации Мурманского морского пароходства (ММП). Игорь Павлов – один из основателей и лидеров Российского профсоюза моряков. В 1990-е годы председатель профкома плавсостава ММП. В 1999–2011 годах – председатель РПСМ. С 2011 года – председатель Совета Конфедерации труда России (КТР)

нец – командир воздушного судна в Домодедово. В 1991 году именно он возглавляет Ассоциацию летного состава гражданской авиации – первый воздушный профсоюз России. Под его руководством в 1994 году летчики начинают бессрочную забастовку: 38 экипажей и 42 авиапредприятия из 140 существующих в России останавливают работу. Через несколько лет он объединится с другими организациями летчиков и станет крупнейшим в стране – Профсоюзом летного состава России.

Альтернативный профсоюз – Ассоциацию летного состава России – возглавляет Анатолий Кочур. Разногласия чисто организационные, профсоюзы сотрудничают 15 лет, проводят совместные акции, вместе отстаивают права пилотов. Но со смертью Кочура в 2005 году деятельность второго профсоюза прекращается.

Под руководством хорошо организованного профсоюза авиадиспетчеры также выигрывают одну битву за другой. В девяностые Федерация профсоюзов авиадиспетчеров (ФПАД, лидер – Владимир Конусенко) проводит серию успешных забастовок и добивается невероятной по российским меркам победы. У авиадиспетчеров – 36-часовая рабочая неделя и 60 дней отпуска в году.

В 1999 году Госдума принимает поправку в Воздушный кодекс – авиадиспетчерам запрещено басто-

вать. Те ошарашены, но блестяще меняют тактику. Дело в том, что авиадиспетчер – работа не только мучительно трудная, но и социально опасная. Усталый или больной докер в худшем случае утопит контейнер в море, но заболевший авиадиспетчер может случайно убить сотни человек. Поэтому регулярный медицинский осмотр – обязателен. И вот в декабре 2002 года авиадиспетчеры начинают голодать. Разумеется, врачи не допускают их к диспетчерскому пульта. Забастовка идет фактически в 55 аэропортах. В результате авиадиспетчеры выбивают себе гигантскую прибавку – сразу 30%.

Победы докеров или диспетчеров убедительны, но как-то далеки от повседневности: в жизни мы редко встречаем моряка или летчика. Но вот кого мы точно видим каждый день: машиниста. Независимый профсоюз Московского метрополитена возникает в 1992 году, когда машинисты депо «Измайлово» начинают борьбу против увеличения рабочего дня с 6 до 8,5 часов. Их поддерживают уборщицы, монтеры, слесари, дежурные по станции. Их возглавляет Светлана Разина – работница метро с тридцатилетним стажем и последняя женщина-машинист Москвы.

Под руководством Разиной в 1994 году профсоюз начинает итальянскую забастовку в защиту машиниста Михаила Лекаркина: его обвиняют

Забастовка на теплоходе «Кемерово» в порту Бремена (Германия), сентябрь 1997 года.

Перед российскими моряками — участниками забастовки выступает руководитель аппарата РПСМ Игорь Ковальчук. С 1999 года Игорь Ковальчук — заместитель, затем первый заместитель председателя РПСМ (по настоящее время). В 2009—2011 годах — президент КТР. С 2015 года — председатель Исполнительного комитета КТР.

в аварии на серой ветке. Профсоюз поднимает шум и пишет в СМИ. Итог – прокурорская проверка, Лекаркин оправдан: оказывается, плохо была отлажена система бесцветного движения. Казалось бы, мелочь. А сколько таких мелочей.

В девяностые отлично проявляют себя и обычные машинисты: те, что водят поезда не под землей, а на ее поверхности. Учредительный съезд Российского профсоюза локомотивных бригад железнодорожников проходит 27 января 1992 года. Съезд маленький: 35 делегатов из 12 депо, в основном Петербург, Москва и Подмосковь. Зато уже в марте 1992 года железнодорожники под руководством Валерия Курочкина организуют успешную забастовку локомотивщиков.

Блестяще начинают и российские шахтеры. Учредительный съезд Независимого профсоюза горняков России (НПГР) проходит в Южно-Сахалинске. Председатель – Александр Сергеев, соавтор главных побед и главных поражений профсоюза. Но в ноябре 1991 года никто еще не верит в поражение. В профсоюзе 100 000 человек – серьезная сила. И сила эта – за спиной у Егора Гайдара. В 1992 году профсоюз горняков критически поддерживает «молодых реформаторов». Удивительно: шахтеры – люди эталонно-рабочей специальности – делают ставку на самых жестких либералов.

Но времена меняются. В 1995 году рабочие требовали хлеба, в 1993 – требуют работы. Российская экономика умирает. Мировые цены на нефть, газ и тем более уголь – ничтожны. Предприятия закрывают под предлогом нерентабельности. Долги по зарплате растут. Бастует Воркута, Норильск и Южно-Сахалинск. К началу 1994 года профсоюзу больше не по пути с правительством. Шахтеры требуют погасить долги угольной промышленности. Требуют немедленной встречи с Ельциным – и одновременно его отставки. Угрожают всероссийской забастовкой.

В мае 1998 на Кузбассе начинается Рельсовая война. Шахтеры – а с ними пенсионеры и безработные – выходят на рельсы возле Анжеро-Судженска. И требуют отставки президента. Транссибирская железнодорожная магистраль перекрыта, составы следуют в обход. На очереди Воркута и Ростов. Угроза железнодорожной блокады – в Екатеринбурге, Омске, Иркутске. Шахтеры бьют по самому слабому месту российской экономики: инфраструктуре.

Пикеты на железных дорогах поддерживает мелкий и средний бизнес, сельские жители. «Ельцина в отставку!», «Сменить курс реформ!», «Национализация предприятий!», «Дайте людям зарплату, а детям пособие!» Вот какие транспаранты стоят вдоль Транссиба. Только некому их увидеть:

Митинг Межрегионального объединения рабочих профсоюзов «Защита труда». Астрахань, 1998 год. Среди митингующих – Олег Шеин, председатель МОРП «Защита труда» (с 1997 года по настоящее время). С 2015 года Олег Шеин – вице-президент Конфедерации труда России

перевозка пассажиров и грузов на Дальний Восток и обратно – остановлена.

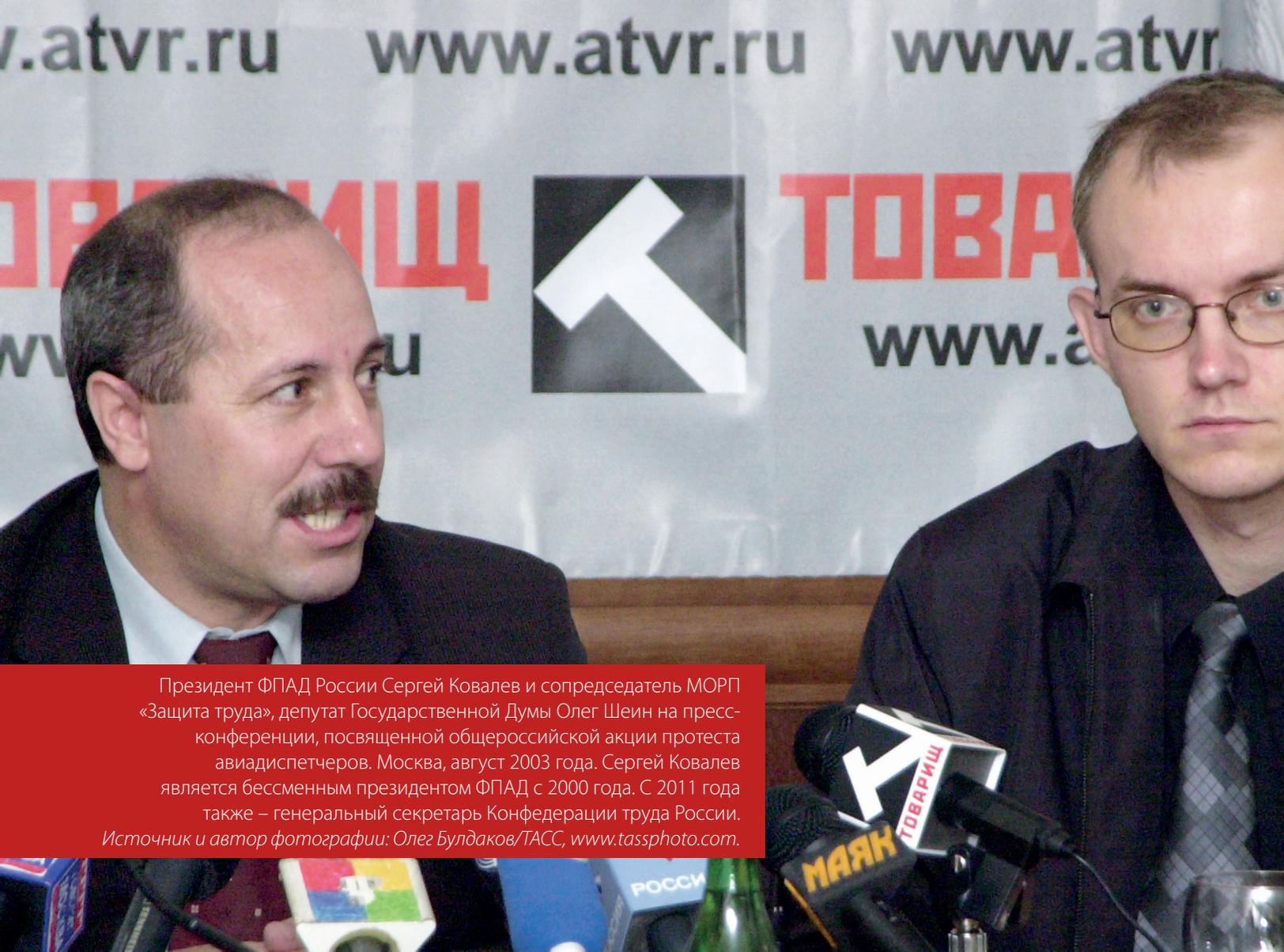
ОМОН готовится раздавить восставших, но не получает приказа. Правительство боится нового Новочеркасска, боится стрелять и сначала пробует уговоры. Разблокируйте пути – получите деньги. «Никому теперь не верим», – скандируют шахтеры. Но кто-то – верит, и ряды редеют. Все региональные политики – против бастующих. Все уговаривают сдаться. 19 июля рабочие, не поддержанные профсоюзом горняков, снимают блокаду.

Рельсовая война проиграна. Но глупо прекращать горняков их поражением. Это только в мифах Давид побеждает Голиафа. В действительности против великана трудно выстоять. Независимые профсоюзы ведут героическую борьбу, но в крайне невыгодных условиях.

Впрочем, они не остаются одни. За их спиной – международная поддержка. Профсоюзы докеров и моряков присоединяются к Международной федерации транспортных рабочих (ITF). Профсоюз летного состава входит в Международную ассоциацию линейных пилотов (IFALPA). Горняки – в составе Международной федерации профсоюзов работников химической и горнодобывающей промышленности, энергетики и других отраслей (ICEM).

Однако независимым профсоюзам приходится рассчитывать прежде всего на свои силы. Итог девяностых, трудных и противоречивых, – борьба за прогрессивный Трудовой кодекс. Пишут его под Петербургом, в Разливе (не в шалаше, конечно, а на обычной даче). Пишут на основе самой передовой практики международного рабочего движения и самых передовых концепций рабочего самоуправления. Пишут многие люди, но ключевая фигура – астраханец Олег Шеин, сопредседатель Объединения рабочих профсоюзов «Защита труда». Он – депутат Госдумы, и это позволяет вынести проект нового ТК на голосование. Параллельно рядовые профсоюзные активисты начинают кампанию по всей России. Акции солидарности проходят в тридцати регионах, а самая массовая – конечно, в Астрахани, откуда Шеин родом и где его любят и поддерживают. Так сильно, кстати, что несмотря на все интриги соперников, он проходит в Думу уже пятый раз подряд.

Но это если забегать вперед. А летом 2001 года за ключевые поправки в Трудовой кодекс голосуют 224 депутата. До большинства не хватает двух голосов. Поражение? Несомненно. Но в то же время – выдающаяся победа. Железнодорожники, докеры, моряки, авиадиспетчеры, рабочие заводов – многие независимые профсоюзы объединяются в борьбе за кодекс задолго до своего фактического объединения.

Президент ФПАД России Сергей Ковалев и сопредседатель МОРП «Защита труда», депутат Государственной Думы Олег Шейн на пресс-конференции, посвященной общероссийской акции протеста авиадиспетчеров. Москва, август 2003 года. Сергей Ковалев является бессменным президентом ФПАД с 2000 года. С 2011 года также – генеральный секретарь Конфедерации труда России.

Источник и автор фотографии: Олег Булдаков/ТАСС, www.tassphoto.com.

Глава 7.

Путь к единству

До революции быть рабочим – трудно. В советское время – почетно. В новейшее – постыдно. Работает тот, кто не умеет зарабатывать – так теперь считают. Веселое проклятие советского масскульта – «чтоб ты жил на одну зарплату» – больше не забавляет, потому что на одну зарплату выжить и правда невозможно.

Вчера он мастер участка на вредном производстве. Сегодня торгует пивом в ларьке. Завтра – ученик на сигаретной фабрике. Послезавтра в менаджеры. А кто он через неделю? Снова рабочий? Или сопьется к черту?

Девяностые – это миллионы вывихнутых и вправленных жизней, миллионы трудных биографий. Нет больше монолитного рабочего класса. Рабочие разобщены, деклассированны.

«Вместе и батьку бить легче» – эта изумительная пословица хорошо описывает радость и пользу коллективных действий. Но рабочим в девяностые и нулевые не хватает ни коллективизма, ни солидарности, ни воли к действию.

В начале девяностых возникает крупнейшее объединение профсоюзов – ФНПР. Это особые профсоюзы – наследники марионеточных, советских. В нем состоит 30 миллионов человек – целая Испания. Эти профсоюзы по-настоящему массовые, но слишком много в них старого, советского, бюрократического.

Нужен – настоящий боевой независимый профсоюзный центр. И он возникает в 1995 году.

Это был глупый и яркий год. Год думских выборов, так не похожих на ленивую возню нашего

времени. Выборы-95 – настоящее политическое шоу, с клоунами и похищениями. 42 блока и партии не помещаются на стандартный бюллетень формата А4. В списке загадочный «Блок Джунны» – женщина-экстрасенс и ассирийская царица набирает 300 тысяч голосов. Джуну подпирает «Партия возрождения России». Вслед за возрождателями – «Партия любителей пива», и за нее тоже голосуют сотни тысяч.

Пока шутовские партии борются за кресла в Думе, профсоюзы борются за поддержку рабочих. И эта борьба – всерьез. И эта борьба – с самими рабочими: их страхом и пассивностью.

12 апреля 1995 года возникает Конфедерация труда России. Ее создают главные героини предыдущей главы: уже знакомые нам профсоюзы моряков, докеров, железнодорожников. К ним присоединяются и горняки, но вскоре покидают организацию – Сергеев не избран вождем.

«Мы объединились потому что:

– понимаем свою ответственность перед историей нашей Родины и перед будущим наших детей;

– укрепились в решимости защищать наши интересы через объединение свободных профессиональных союзов;

– у нас общая тревога и боль за складывающиеся условия труда и уровень заработной платы,

которые ведут к серьезному ухудшению жизни наемных работников, что может повлечь за собой непредсказуемые социальные и политические последствия;

– намерены отстаивать реальные реформы в интересах наемных работников».

Первый президент КТР приходит из моряков. Виктор Некрасов – человек трех морей: родился в Сочи, учился в Ленинграде, работал в Мурманском порту. В 1997 году Некрасова сменяет Владимир Конусенко. В юности его исключили из летнего училища за «нарушение дисциплины», а он так и остался закоренелым нарушителем и возмутителем спокойствия. Конусенко – создатель профсоюза авиадиспетчеров и инициатор его первых забастовок. Спустя два года его сменяет моряк Владимир Шаров.

А в 1999 году всерьез и надолго – на целое десятилетие – приходит докер Александр Шепель. Он вообще человек основательный: 10 лет был бригадиром слесарей-ремонтников трубопрокатного цеха, 20 лет – докером-механизатором Магаданского порта. Про таких говорят «от сохи», но это крестьянское, а Шепель, получается, «от винта». Он сохраняет КТР в самый трудный период – когда и в России, и на всем постсоветском пространстве рабочее движение на спаде.

Акция протеста шахтеров около Белого дома на Горбатом мосту.
Москва, 1998 год.

В августе 1995 года в России возникает второй полюс профсоюзной активности – Всероссийская конфедерация труда. «Рабыня Изаура», «Утиные истории», дымящийся Белый дом, первые бандиты и первые сникерсы. У эпохи перемен много символов. Но главный, сквозной – шахтер, стучащий каской по Горбатову мосту. Это картинка из голодного 1998 года. Именно ВКТ поддерживает шахтерские акции напротив Белого дома. Именно ВКТ активней всех требует индексировать заработную плату – в тот жуткий август, когда за месяц рубль подешевел в четыре раза. Именно ВКТ требует отставки президента Ельцина. Ответ мгновенный: обыск в штаб-квартире ВКТ, ряд уголовных дел, лидер ВКТ Александр Сергеев арестован и допрошен. Шахтеры продолжают стучать касками, четыре месяца подряд в каждом выпуске новостей – голодные люди под окнами правительства. Но и их требования удовлетворены лишь частично. Кремль понимает, что горстка горняков в самом центре Москвы – это обидно и неприятно, но не страшно.

Вопреки неудачам и разногласиям, в ноябре 1999 года ВКТ и КТР делают первый шаг к сближению. Программные заявления двух конфедераций – свидетельства осторожного, но неуклонного сближения. «Конфедерация труда России и Всероссийская конфедерация труда отмечают фактическое отсутствие противоречий между

двумя организациями в подходах к социально-экономическому и политическому развитию российского общества, а также развитию профсоюзного движения в нашей стране...».

Впрочем, это только на бумаге выглядит гладко. В реальности наступает самое трудное время. Ни ярких пикетов, ни звонких листовок, ни сильных новых лидеров, за которыми хочется идти. Апатия.

В почти безнадежные годы, в конце нулевых, лидеры ВКТ Борис Кравченко и КТР Игорь Ковальчук проявляют достаточно смекалки, чтобы не потерять завоевания профсоюзов. КТР напирает на связь поколений – живые и крепкие профсоюзы передают свой опыт молодым рабочим, пока еще не научившимся защищать себя. ВКТ делает ставку на новые всплески активности, пропагандируя фантастический успех трехнедельной забастовки, организованной МПРА на всеволжском «Форде». Этот опыт заслуживает отдельного большого отступления.

МПРА возникает в 2006 году. Во главе его встают лидер автовазовского профсоюза «Единство» Петр Золотарев и лидер профсоюза на «Форде» Алексей Этманов

Золотарев – человек на редкость верный себе и профессии. Четыре генсека и два президента сменились в Кремле, а Золотарев как встал

Забастовка не экстремизм,
а НАШЕ ПРАВО!

Наш выбор -
забастовка!!

Забастовка на заводе «Форд» в Ленинградской области.
Ноябрь 2007 года.
Источник и автор фотографии: Замир Усманов/
Частные авторы/ТАСС, www.tassphoto.com

в 1978 году за вазовский конвейер, так и не поменял места работы. В девяностые независимый профсоюз «Единство» проявляет редкий пример межотраслевой сплоченности и поддерживает шахтерский пикет на Горбатом мосту.

С Этмановым все наоборот: он сформировался в годы, когда стабильностью и не пахло. Рыбак, маляр, слесарь, мелкий бизнесмен – трудная биография. В 2003 году он приходит сварщиком на «Форд» во Всеволожске, через два года возглавляет местный профсоюз и проводит две итальянские забастовки. В феврале и ноябре 2007 года профсоюз полностью останавливает конвейер. Оба раза всего лишь на день, но большего пока не надо, это – репетиции.

20 ноября 2007 года на «Форде» начинается легендарная трехнедельная забастовка. Первыми выходят работники кузовного цеха. К ним присоединяются другие цеха. Завод полностью встает – в цехах и на складах тихо, работают только офис и бухгалтерия. В забастовке участвует полторы тысячи человек – почти все, кто работает на конвейере. Они требуют повышения зарплаты, увеличения времени перерывов на обед и отдых, сокращения работы в ночное время.

На следующий день администрация не пускает бастующих на территорию завода и те остаются стоять перед проходной. Именно там, – перед заводскими воротами, – сотни работников устра-

ивают круглосуточное дежурство и не пускают на завод штрейкбрейхеров. Именно там проходят собрания, на которых работники обсуждают свои дальнейшие действия. Рядом дежурит милиция и ОМОН, готовые в любой момент вмешаться и силой остановить забастовку.

Но за рабочими следит вся страна, о ней пишут все крупнейшие СМИ. О поддержке фордовцев заявляют российские и зарубежные профсоюзы. Письма солидарности зачитывают вслух на заводских собраниях – это укрепляет боевой дух бастующих. Деньги для вышедших на забастовку работников перечисляют и всеволожские пенсионеры, и рабочие со всех концов России, и профсоюзные организации из-за рубежа.

100 миллионов долларов теряет «Форд» за три недели простоя и вынужден идти на уступки. Итог – частичная, но все-таки победа. Профсоюз добивается 20-процентного повышения зарплаты, ограничения времени сверхурочных работ и оплаты их в двойном размере.

«Сломать нас не получится!» Такой ответ дает Межрегиональный профсоюз работников автопрома на все попытки его запугать. В Тольятти и Петербурге, в Твери и Всеволожске, в Москве и Таганроге авторбочим угрожают уголовными делами и таскают по допросам, избивают и закупают, принуждают к выходу из профсоюза.

Председатель МПРА Алексей Этманов во время забастовки на «Форде», ноябрь 2007 года.

Да, чем успешней профсоюз, тем сильнее пытаются его раздавить. В конце застойных нулевых возвращаются дикие девяностые. Закулисные переговоры, попытки раскола организаций – это еще не самое страшное. Начинаются нападения. В Таганроге избивают Сергея Брызгалова и Алексея Грамма, профсоюзных активистов «ТагАЗа». В Петербурге дважды за два месяца нападают на Алексея Этманова. Его товарищу Евгению Иванову ломают нос и угрожают расправиться с детьми.

Впрочем, борются не только с МПРА и не только уголовными методами. Есть и вполне легальные способы уничтожить профсоюз. Особенно плохо приходится железнодорожникам. РЖД увольняет активистов и давит, как может. В июне 2007 года профсоюз ставит монополии не такие уж смелые условия: проиндексировать зарплату на 4% и установить вознаграждение за выслугу лет. РЖД не идет на уступки, и профсоюз анонсирует всероссийскую забастовку 28 ноября. Но за пять дней до забастовки суд ее запрещает, а транспортная милиция переворачивает офис вверх дном. В апреле 2008 года профсоюз решается практически на отчаянный шаг – проходит однодневная забастовка локомотивщиков Московской железной дороги. Ответ РЖД – разгром профсоюзных организаций не только в Москве, но и в регионах. Суд лишает профсоюз общероссийского статуса.

Большое количество организаций разгромлено, лидеры и активисты деморализованы.

В этот период окончательно проигрывают горняки. Внутренние противоречия НПП нарастают. Лидеры не меняются. Профсоюз теряет влияние, боевой задор, демократические традиции. Сегодня мало кто говорит об НПП как о живой организации. Горняки устраивают ряд забастовок в Ростовской и Мурманской областях, вновь выходят к Белому дому, но это не сравнится ни с Рельсовой войной, ни даже с шоу на Горбатом мосту. И – самое важное – никаких политических требований. Забастовок мало, зато много съездов. Очередных и внеочередных. Снимают и снова назначают главным Александра Сергеева. Спорят по малейшему поводу, но без особого пыла. Совсем как в тридцатые. Но если в тридцатые профсоюзные дискуссии маскировали все большую зависимость профсоюзов от партии, то в нулевые они маскируют беспомощность. Профсоюзы по-прежнему борются, но значительно реже побеждают.

Пожалуй, лучше всех в нулевые держатся моряки: их поддерживает Международная федерация транспортных рабочих (ITF). На первый взгляд, тактика инспектора ITF такая же, как у гаишника: под любым предлогом остановить судно и искать нарушения. Только в отличие от гаишника инспектор ITF не берет взятки. И если ему удастся выбить у судовладельца денег, то они

идут рабочим. В июне 2002 года у датского острова Борнхольм калининградский экипаж траулера «Салус», полгода не получавший зарплату, начинает бессрочную забастовку. Датский инспектор ITF арестовывает судно. Траулер продают на аукционе, а рабочие получают деньги. Впрочем, не все, а лишь те, кто остался на судне с момента объявления забастовки и до вынесения окончательного судебного решения. Награда за упорство.

Держатся и авиадиспетчеры. С 2000 года президент ФПАД – Сергей Ковалев. До своего избрания он работал авиадиспетчером в аэропортах Тюменской области и возглавлял там территориальную организацию. Именно с его именем связаны успешные акции и укрепление профсоюза в нулевые годы. В 2013 году ФПАД также присоединился к ITF.

Несмотря на смертельные угрозы, трудные победы и тяжелые поражения, одолеть профсоюзы не выходит. Эффект обратный. ВКТ и КТР окончательно решают объединиться.

Апрель 2009 года. Поворотный съезд КТР. Он проходит напряженно. Власти пытаются поставить объединение под свой контроль. На выборах председателя против Ковальчука выставляют Евгения Куликова. Он ставленник «Соцпрофа» – когда-то независимого, но полностью перешедшего под государственный контроль. Победа Куликова означала бы конец независимых профсоюзов.

Но побеждает Игорь Ковальчук, один из лидеров Российского профсоюза моряков. «Из-за кризиса усиливается давление на свободные профсоюзы. И противостоять такому давлению можно только сообща», – говорит Ковальчук.

Июль 2009 года. Под договором об объединении – подписи лидера КТР Игоря Ковальчука и лидера ВКТ Бориса Кравченко. «Окончательное объединение двух профсоюзных центров приведет к появлению в России мощной структуры, объединяющей организации, не входящие в ФНПР», – говорит Кравченко.

Государство не прекращает попыток поставить объединение ВКТ и КТР под контроль. В ход идут административное давление, запугивание профсоюзных лидеров, попытки подкупа и раскола профсоюзов. Независимые профсоюзы выстояли.

27 мая 2011 года в Москве проходит внеочередной объединительный съезд КТР. Членские организации новой, объединенной КТР охватывают транспортный, производственный, добывающий, строительный, пищевой сектора экономики, сферу услуг, малый и средний бизнес, сферы культуры, образования и здравоохранения. В КТР – 2 миллиона человек. Это уже серьезно.

ГОРБЕНКО
В
ОТСТАВКУ

Ростовские авиадиспетчеры проводят голодовку, требуя выполнения коллективного договора и отставки гендиректора Госкорпорации по организации воздушного движения. Ростов-на-Дону, 2010 год. В результате длительной и упорной кампании профсоюзу авиадиспетчеров удалось добиться отставки Валерия Горбенко и начать переговоры с новым руководством.
Источник и автор фотографии: Сергей Пивоваров/РИА Новосту, visualrian.ru

Глава 8.

Профсоюзы нового типа

«Косарь за смену! Косарь за смену!» Новое время – новые лозунги. Новый, грубый, простой язык. Новые методы борьбы.

XX век подарил России отраслевые профсоюзы. Всем они были хороши, но замыкались на себе, на бедах отдельной отрасли. Они пережили лихие девяностые, но спокойные нулевые нанесли по ним удар.

Период трудный. Сытый век. Россия встает с колен – так говорят по телевизору. Нефть и газ бьют рекорды. Протесты на нуле: прямое следствие относительной сытости. Общественные противоречия скрыты, залакированы. По-прежнему силен профсоюз авиадиспетчеров, хорошо организованы летчики, авиадиспетчеры, докеры, моряки. Но

в целом этот период – трудный для профсоюзного движения.

Новый век требует профсоюзов нового типа. И при поддержке КТР они возникают и добиваются успеха.

Что общего между энергетиком и пивоваром? Печатником и пищевиком? Ответ не всегда очевиден даже для них самих. Тем не менее, в мае 2011 года возникает Межрегиональный профсоюз «Новые профсоюзы» («Новопроф»). Его создают питерская котельная, картонажная фабрика, столовая «Фацер» и ростовский пивоваренный завод. Его создают люди самого разного труда. И уже через год «Новопроф» доказывает свою эффективность.

Место действия – Омск, фабрика мороженого. Раньше тут делали лучшее эскимо в Сибири. Сей-

КОСАРЬ
ЗА СМЕНУ

СКОЛЬКО НА
ЖИТЬ НА РАБОТЕ,
ЧТОБЫ ПОЛУЧИТЬ
ДОСТОЙНУЮ
ОПЛАТУ!

ОПЛАТА СВЕРХ
УРОЧНЫХ ПО
ТРУД. ЗАК.

ПОВЫШ
3/П

Пикет работниц фабрики мороженого «Инмарко», начавших забастовку с требованиями повышения заработной платы и возвращения из кадрового агентства в штат предприятия на постоянное рабочее место. Омск, 2012 год.

час она называется «Инмарко» и входит в международную корпорацию «Юнилевер». В начале нулевых «Инмарко» объявляет программу «Путь роста». Речь, конечно, о дополнительном обогащении акционеров. Но если чей-то доход растет, чей-то – обязательно падает.

В 2010 году всех штатных фабричных работниц переводят в кадровое агентство «Коулмен». Все шито-крыто, все законно: женщины пишут заявление по собственному желанию, зарплата не уменьшается. Но вскоре становится ясно: вместе с записью в трудовой исчезает и нормальная организация медосмотров. Зарплату больше не индексируют. Деньги в пенсионный фонд перечисляют с переборами. «Не нравится – бастуйте», – говорит топ-менеджер.

Никто не мог предположить, что 12 мая 2012 года 180 укладчиц-упаковщиц омской фабрики мороженого действительно остановят работу и выйдут бастовать на проходной. «Косарь за смену!» – это их лозунг. И другой, официальный: «Оплата труда – по трудовому закону».

14 мая укладчицы создают профсоюзную организацию, которая входит в состав «Новопрофа». Под руководством профсоюзов они добиваются обратного перевода в штат. Более того: фабрика повышает их оклад, и продолжает делать это даже в кризисном 2015 году.

180 человек. Это маленькая победа в масштабах страны. Но это героическая победа. На одной стороне – горстка женщин, работающих за 10 тысяч в месяц. На другой – корпорация «Юнилевер» с годовым оборотом в 55 миллиардов долларов. И женщины – побеждают.

«Новопроф» преодолевает не только цеховые, но и государственные границы. Тяжела жизнь рабочего, но вдвойне тяжелей, если он – чужак. Труд мигранта дешевле. Обмануть его легче. И в полицию не пойти: обвинят самого мигранта. И самое обидное, что нередко мигранта не любят и другие, местные рабочие.

За один лишь 2013 год «Новопроф» организует четыре забастовки работников-мигрантов, восемь стоп-акций (полных или частичных остановок работы организаций), шесть пикетов и два митинга. Возвращает им три миллиона долгов по зарплате. Немного? Но представьте эти мигрантские зарплаты.

Тем временем меняется и МПРА. В 2013 году он упраздняет профсоюзные первички на предприятиях и становится межотраслевым. Он делает ставку на индивидуальное членство, сетевую структуру, на вирусное распространение идей рабочей борьбы. Уходя с одного предприятия на другое, рабочий остается членом профсоюза и организует в профсоюз своих новых товарищей. Аббревиатура

Работники «Бентелер Аутомотив», незадолго до забастовки.
Калуга, 2012 год.

ОБРАЗОВАНИЕ
РОССИИ
МРАВИ

**В БОРЬБЕ ОБРЕТЁШЬ
ТЫ ПРАВО СВОЁ!**

**Инициативная
Ассоциация
Преподавателей
Высшей Школы**

МИРОВОЙ СУДЬБЕ
ОТВЕЧАЮТ ТОЛЬКО
НАШИ ПЕРСОНАЛИ
ИЛИ ПЕРСОНАЛИ НАС
ИЛИ ПЕРСОНАЛИ НАС

Шествие участников инициативной группы ассоциации преподавателей высшей школы. Москва, 2012 год. В дальнейшем на основе инициативной группы сформировался Профсоюз «Университетская солидарность». Среди участников шествия — один из основателей профсоюза историк Константин Морозов.

прежняя – МПРА, только теперь это Межрегиональный профсоюз «Рабочая ассоциация».

Успех МПРА вдохновляет всю страну. В эпоху, когда забастовку по закону провести практически невозможно, удачная забастовка на «Форде» провоцирует всплеск рабочего движения по всей стране. Вдруг откликается Калуга, медвежий угол, где никогда ничего не происходит. Местный «Фольксваген» пытается компенсировать простой за счет рабочих, но четыреста рабочих сметают сотрудников службы безопасности и прорываются к кабинетам менеджмента, скандируя: «Мы не крепостные, верните выходные».

Рядом бунтует «Бентелер Аутомотив», где для «Фольксвагена» делают комплектующие. 180 человек останавливают конвейер, требуя повысить зарплату. Завод оцеплен ОМОНОм. Официальные профсоюзы пытаются убедить рабочих в незаконности забастовки. Но губернатор области вмешивается лично, приглашая к переговорам лидера КТР Бориса Кравченко. На трехсторонней встрече стороны договариваются о повышении зарплаты и начале коллективных переговоров. Австрийский гендиректор завода покидает зал заседаний в полуобморочном состоянии. Бентелер ликует.

КТР, как всякий живой организм, растет, эволюционирует, учится защищать себя и передавать знание новым поколениям. Осенью 2013 года в Москве возникает Центр защиты профсоюзных прав.

Его задача – отслеживать давление на профсоюзных и рабочих активистов. А в декабре 2013 «Новопроф» и МПРА создают Калужскую школу профсоюзного органа́зинга, чтобы научить других тому, что отлично умеют сами.

Учиться бывает полезно, даже если ты сам – учитель. «Говорят, педагог не имеет права выносить свои проблемы на суд общества. Мы с этим намерены покончить и активнейшим образом вовлечь в борьбу за трудовые права педагогов местные сообщества, родителей, тех, кто кровно вместе с педагогами должен быть заинтересован в сохранении системы доступного и качественного образования», – говорит Андрей Демидов, лидер нового профсоюза «Учитель», который возникает в 2011 году.

«Пора трезво признать: мы – такие же наемные работники, как врачи, инженеры, строители, шахтеры, и решать наши проблемы надо традиционными профсоюзными способами», – говорится в его декларации.

У истоков «Учителя» блестящая команда. Среди основателей профсоюза – географ Леонид Перлов и преподаватель русского языка Всеволод Луховицкий, оба участника знаменитой забастовки московских учителей 1991 года.

Что делает «Учитель»? То же, что классические профсоюзы. Борется с сокращениями, низкими зарплатами и переработками. Борется и не боится бастовать. В феврале 2014 года в поселке Прогресс

**БУХГАЛТЕРСКИЙ
ПОДХОД К
ОБРАЗОВАНИЮ**

**ЛИШАЕТ
СТРАНУ
БУДУЩЕГО!**

ежрегионал
профсо
работни
ышей шк
НИВЕРСИТЕТ
ОЛИДАРНОС

Ж
Е
Т

915) 212-40-07
(968) 654-06-36
mty.ru педагог-проф.орг

УЧИТЕЛИ

Акция профсоюзов «Учитель» и «Университетская солидарность» против сокращения финансирования образования. Москва, 2015 год. На фотографии в центре – президент КТР Борис Кравченко, слева – сопредседатель Профсоюза «Университетская солидарность» Павел Кудюкин. Источник и автор фотографии: Дарья Антонов/ИА Regnum, regnum.ru.

Амурской области учителя прекратили работу, требуя оплаты обязанностей классного руководителя. И победили.

В 2013 году свой профсоюз появляется и у преподавателей вузов – Межрегиональный профсоюз работников высшей школы «Университетская солидарность». Сначала объединились преподаватели в РГГУ: они боролись с урезанием зарплат. Вскоре подключились другие столичные вузы – МГУ, РАНХиГС, Шанинка, Высшая школа экономики. Затем – регионы: Екатеринбург, Казань, Санкт-Петербург, Архангельск, Нижний Новгород.

Профсоюз ставит стратегические задачи: борьба за университетскую автономию и выборность руководства вузов. Среди лидеров профсоюза социал-демократ и бывший замминистра труда Павел Кудюкин, отсидевший пять лет по делу «Молодых социалистов». И Константин Морозов – историк, всемирно известный специалист по эсэрам. Именно благодаря ему девизом «Университетской солидарности» стало эсэровское «В борьбе обрешь ты право свое!»

По примеру и под влиянием «Учителя» в 2012 году возникает Межрегиональный профсоюз работников здравоохранения «Действие», который тоже входит в КТР. Ну что общего между врачом

и докером? Но именно врачи берут на вооружение «итальянку» – любимый докерский инструмент.

Первыми на «итальянскую забастовку» в марте 2013 года выходят детские врачи Ижевска. Они требуют повышения зарплаты, снижения нормы приема пациентов и оплаты переработок. Акция продолжается почти три месяца и заканчивается полной победой медиков. Вслед за ними опыт перенимают врачи и в других городах. В 2015 году вслед за многотысячными акциями протеста бастовать начинают и московские врачи.

Докеры, вдохновившие врачей, и сами не сдаются. Лидер профсоюза в порту Восточный Леонид Тихонов приговорен к трем с половиной годам по надуманному поводу. Уголовное дело против него возбудили сразу после успешного митинга за повышение зарплаты и против заемного труда. Благодаря широкой профсоюзной кампании он вышел на свободу досрочно в октябре 2016 года.

Несмотря на давление, докеры продолжают митинги и итальянские забастовки. 2012 год – Ванино, 2013 – Владивосток, 2014 – Ейск. Сегодня профсоюз докеров возглавляет Василий Козаренко, много лет проработавший во владивостокском порту.

Так и действуют профсоюзы: традиции – и современность. От разобщенности – через солидарность – к победе.

Глава 9. Профсоюзы и люди

Во что профсоюзы верят. Как они смотрят на мир? Что они предлагают с миром сделать?

«Демократия. Органайзинг. Гражданские права». В мае 2011 года эта программная декларация была единогласно принята объединительным съездом КТР. Мы просто процитируем из нее главное.

1) Социальная политика государства по-прежнему развивается в рамках неolibеральных представлений, которые почти не пересматриваются, несмотря на их явную неадекватность современной социально-экономической ситуации и потребностям общества.

2) Под прикрытием экономического кризиса предприниматели развернули наступление на трудовые права работников, добиваясь увеличения продолжительности рабочего времени, отмены

социальных льгот, оказывая давление на рабочих активистов, в том числе с использованием откровенно криминальных приемов. Отмечается, что массовой практикой становятся незаконные увольнения, лишь небольшая часть которых оказывается отмененной по суду.

3) Право на забастовку фактически ликвидировано. Сведены к минимуму другие возможности законного протеста – через митинги, пикеты и демонстрации. Незащищенность рабочих мест стала нормой сегодняшнего российского общества.

4) Натиск капитала на трудящихся не только ведет к крушению социального государства, но и подрывает основы демократии, превращая большинство населения в безгласных и бесправных исполнителей. Без социальных прав не может быть и политической демократии.

Акция медиков, активистов Межрегионального профсоюза работников здравоохранения «Действие». Сарапул (Удмуртская Республика), 2014 год.

НАМ
ЗАР-
2013г!

Нет выплат -
Нет диспансеризации

5) Демократизация общественной жизни, обеспечение реального представительства и прямого, максимально упрощенного контроля граждан над своими представителями – ключевая задача сил, стремящихся изменить ситуацию в стране. Первостепенным вопросом мы считаем изменение законодательства о деятельности профсоюзов, прекращение дискриминации, обеспечение равенства в ходе подготовки коллективных переговоров, обеспечение реальной свободы объединения. Реальное представительство наемных работников на уровне предприятий, отраслей и всей политической системы должно позволить перевернуть экономическую политику и покончить с курсом, отнимающим наши права, гарантии и доходы.

Это – профсоюзная методичка, руководство к действию. Но в одиночку действовать трудно, а мир менять – тем более. Независимые профсоюзы ставят перед собой задачу по формированию широкой общественной коалиции социальных движений и демократических сил. При этом, руководство КТР подчеркивает независимость от любых политических партий и движений.

«Последнее время все политические силы, пытающиеся заявить о себе как о социал-демократах, хотели бы видеть нас в своих рядах, – говорит Борис

Кравченко. – Но социал-демократическая партия не возникнет из попыток собирания селебритиз, актеров, лидеров общественного мнения. Нужен совместный опыт борьбы за права наемных работников, нужна реальная помощь в формировании условий существования нормальных профсоюзов – тогда, через много лет, возникнет серьезная политическая организация. Мы чувствуем себя богатой невестой на выданье. Мы просто не видим ни одной партии, которая бы считала наемных работников своей социальной базой, которая была бы готова защищать интересы наемных работников и представлять их на политическом уровне».

Да, с политиками сотрудничать опасно. Куда лучше свой брат-рабочий, даже если он говорит на другом языке. В ноябре 2000 года ВКТ и КТР – еще разобщенные – входят в Международную конфедерацию свободных профсоюзов (МКСП). В 2006 году МКСП сливается со Всемирной конфедерацией труда: возникает Международная конфедерация профсоюзов (МКП). На ее учредительном конгрессе в Генеральный совет избирают легендарную женщину-машинистку Светлану Разину. Спустя четыре года ее сменяет моряк Игорь Ковальчук.

Светлана Разина – последняя женщина-машинист Московского метрополитена. Она пришла в метро в конце 1960-х, начав с помощника машиниста. Затем, приобретя хороший опыт, получила специальность машиниста и стала сама водить поезда. Ее последняя смена состоялась в новогоднюю ночь 31 декабря 2002 года. Светлана Разина была председателем Профсоюза работников Московского метрополитена с 1992 по 2014 года. С 2014 года – почетный председатель профсоюза.

Домашние работницы на собрании Профсоюза рабочих народного питания
и общежитий (Нарпит). 1920-е годы.

*Источник фотографии: З. А. Богомазова, Домашняя работница. –
Книгоиздательство ВЦСПС. – Москва, 1928 год.*

Кроме того, КТР участвует в работе Балтийской профсоюзной сети (BASTUN) и ежегодных сессиях Международной организации труда.

Входящие в КТР профсоюзы также являются частью международного движения, действуя в глобальных отраслевых союзах. моряки, докеры и авиадиспетчеры входят в ITF. МПРА является частью IndustriALL – глобального объединения профсоюзов производственных, горнодобывающих и энергетических рабочих. «Новопроф» входит в Международный союз пищевиков (IUF).

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. В друзьях у КТР – независимые профсоюзы всего мира, и это крепкая дружба. Но не менее важен вопрос – кто твои родители? Откуда ты родом? Какой традиции придерживаются современные профсоюзы? Что из прошлого они хотят сохранить для будущего?

В июне 2012 года Москва вспоминает Новочеркасск. Ровно полвека прошло с того расстрела. Хотелось бы сказать, что вся Москва. Но нет, лишь КТР проводит памятные митинги, и они малочисленны. Пытается провести и конференцию, но так и не может найти места: бойкот тотален. Не было, мол, такого эпизода истории. Никто не расстреливал тех рабочих, нечего вспоминать.

Но вспоминать – важно. Так и происходит поиск идентичности. В ноябре 2012 года в Москве проходит конференция «Рабочее движение и левые силы против авторитаризма и тоталитаризма: история, современность, перспективы». Тема звучит сложно, безопасно – поэтому, наверно, конференции и позволяют состояться. Читают доклады о роли меньшевиков, анархистов и эсеров. Это тоже – часть истории профсоюзов, часть их идентичности.

Профсоюзы возникли вместе с рабочим классом и повторили его историю – а значит, историю всей страны. Они поднялись в полный рост в 1905 и 1917 годах, в эпоху великих революций. Как и вся страна, они мечтали о свободе и переменах. Но профсоюзы учились не просто мечтать, а вести организованную работу по воплощению мечты в жизнь.

Как и всю страну, профсоюзы ждало разочарование. Придя к власти под лозунгами социализма и демократии, большевики быстро установили партийную диктатуру, подмяв под себя и независимые профсоюзы, и все живое. Это случилось не сразу. Но в двадцатые и тридцатые профсоюзы – истинные носители демократических ценностей – были разгромлены, а самые смелые активисты и лидеры физически уничтожены.

Миллионы наемных работников оказались в бесправном положении, почти таком же, как при царе.

Традиция рабочей солидарности, самоуправления и настоящей рабочей борьбы была прервана. И нынешние независимые профсоюзы – пытаются ее возродить, они наследники этой традиции.

Десятки лет официальные профсоюзы системы ВЦСПС имитировали поддержку рабочего класса. В Перестройку фальшивая система рушится, а независимые профсоюзы возрождаются – вслед за общим возрождением общественной жизни. В девяностые они – вместе со всей страной – переживают трудное время, иногда совершают тактические ошибки и поддерживают не тех людей. Но на ошибках учатся.

В новом веке рабочих ждет самое тяжелое испытание: разобщенность и апатия. Но профсоюзы несут традицию рабочей солидарности и выдерживают испытание с честью.

Кто такой пролетарий? Глупый мужик в грязной каске. В крайнем случае – просто невежливый и неумелый человек. Так представляют рабочего те, кто изучал жизнь по экранизации «Собачьего сердца».

У Маркса в «Манифесте» другое определение пролетариата. «Рабочий, вынужденный продавать себя поштучно, представляет собой такой же товар, как и всякий другой предмет торговли, а потому в равной мере подвержен всем случайностям конкуренции, всем колебаниям рынка».

Сколько в России пролетариев – людей, продающих себя поштучно? Росстат спешит на помощь: в апреле 2014 года экономически активное население в возрасте 15–72 лет – 75 миллионов человек. Больше половины страны.

Гигантская цифра.

Довольны ли они? Нет. Протестуют ли? Тоже нет. В конце девяностых в забастовках – пусть неудачных – участвует по полмиллиона человек ежегодно. В нулевые цифра падает до нуля. Зато растет преступность, потребление алкоголя и число приходов всяческих церквей – не находя удовлетворения в борьбе, люди ищут законных и противозаконных утешений.

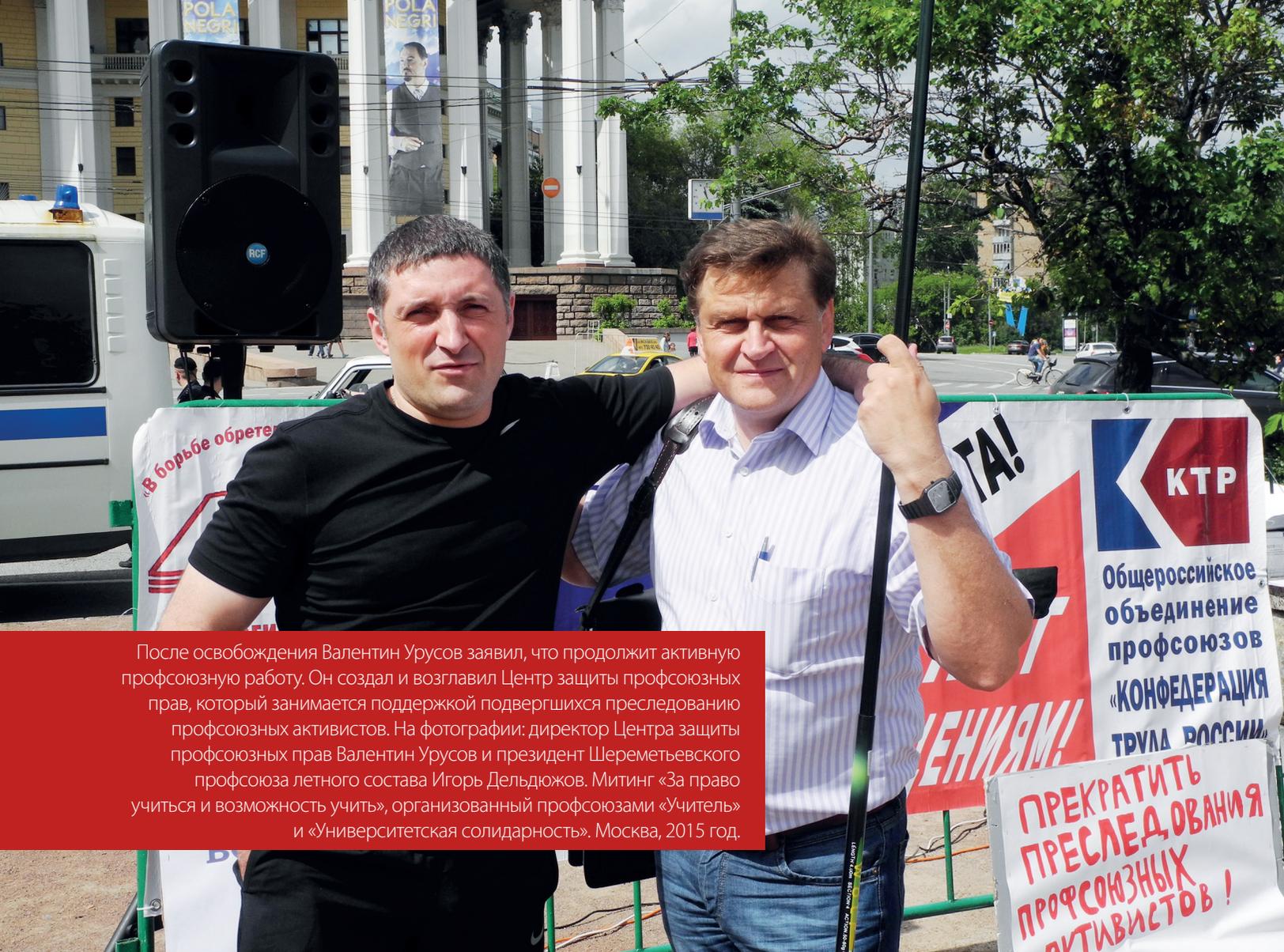
Пролетариат тих и покорен. Так покорен, будто и нет его. Будто век стачечной борьбы прошел даром. Нет никаких рабочих, не осталось рабочего класса – такие утверждения звучат все чаще. В самом деле, кто о себе скажет с гордостью: я – рабочий?

A large group of dockworkers is gathered outdoors, holding a large white banner with red text. The banner reads "МЫ ПРОТИВ СОКРАЩЕНИЙ" (We are against cuts). Many of the workers are wearing blue caps with a logo. In the foreground, a man in a light blue shirt is speaking into a megaphone. Another banner in the background partially reads "НЕТ ПРОС...".

**МЫ ПРОТИВ
СОКРАЩЕНИЙ**

НЕТ ПРОС...

Акция докеров Владивостокского морского торгового порта, выступающих против массовых сокращений. Владивосток, 2016 год.
Источник и автор фотографии: Сергей Орлов/ВЛ Новости, www.newsvl.ru.

После освобождения Валентин Урусов заявил, что продолжит активную профсоюзную работу. Он создал и возглавил Центр защиты профсоюзных прав, который занимается поддержкой подвергшихся преследованию профсоюзных активистов. На фотографии: директор Центра защиты профсоюзных прав Валентин Урусов и президент Шереметьевского профсоюза летного состава Игорь Дельдюзов. Митинг «За право учиться и возможность учить», организованный профсоюзами «Учитель» и «Университетская солидарность». Москва, 2015 год.

Покорность этих 75 миллионов легко объяснима. Неудача деморализует. Забастовки девятых редко заканчивались победой. Всегда и везде уступки хозяев работнику были частичны. Как тут не упасть духом?

В нулевые рост цен на нефть обеспечивает прозрачную надежду на благосостояние, которое гарантированно упадет с неба – точнее, выльется из трубопровода. Стоит ли дергаться? Социологи рабочего движения пишут: главная беда – в нехватке чувства локтя.

Так повсюду на постсоветском пространстве. От Хабаровска до Риги, от Мурманска до Ташкента с рабочими борются. Отнимают право свободно объединяться и создавать профсоюзы. Право на забастовку. Дискриминируют по признаку профсоюзного членства. Иногда действуют даже проще – подкупом или угрозами.

В сентябре 2008 года арестован лидер независимого профсоюза алмазодобывающей компании «Алроса» Валентин Урусов. КТР и ВКТ начинают международную кампанию солидарности с Урусовым. В его поддержку проходят десятки акций. Десятки зарубежных интеллектуалов, общественных и профсоюзных деятелей требуют его освобождения. Борьба за его освобождение стала важнейшим

связующим звеном для объединения российских профсоюзов, проводивших общую слаженную кампанию. И Урусов действительно выходит на свободу досрочно – весной 2013 года.

Летом того же года Шереметьевский профсоюз летного состава борется с «Аэрофлотом» – борется и побеждает. В июле 2013 года по требованию Мосгорсуда корпорация должна выплатить сотрудникам гигантскую компенсацию в миллиард рублей за работу ночью и во вредных условиях.

Ответ на победу – репрессии: уже в октябре 2013 года арестованы лидеры ШПЛС. В 2015 они получили по шесть лет тюрьмы. ШПЛС и КТР своих не бросают: они организуют международную кампанию в их поддержку. В защиту Шляпникова, Пимошенко и Кнышова высказываются организации по всему миру. Вот неполный список: Конфедерация труда России, Профсоюз летного состава России, Федерация независимых профсоюзов России, Международная федерация транспортных рабочих, Конгресс профсоюзов Великобритании, Ассоциация летного состава Германии. При поддержке информационного портала LabourStart руководству «Аэрофлота» направляют более 13 000 писем протеста со всего мира. А генеральный секретарь

Международной конфедерации профсоюзов Шаран Барроу пишет лично Путину.

Упорная кампания ШПЛС и КТР дала результат – в июне 2016 года профсоюзные лидеры, наконец, вышли на свободу.

Это, конечно, не только Россия. Особняком стоит Казахстан. Все бывшие страны Восточного блока примерно в одинаковом положении. В городе Жанаозене 16 декабря 2011 года полицией была расстреляна рабочая демонстрация нефтяников, бастовавших в течение нескольких месяцев с требованиями повышения заработной платы. Действия властей вызвали возмущение трудящихся, профсоюзов и правозащитников по всему миру.

В России пока еще не началась стрельба.

Были времена и похуже. Средневековье, например. В ту эпоху спасителями европейской цивилизации стали монахи. Не потому, что религия так уж располагает к самообразованию и сохранению культурных ценностей. А потому, что за высокой каменной стеной легче спасти бесценные манускрипты от нашествий, войн, чумы.

В современной России такими же цитаделями знания становятся независимые профсоюзы. Они хранят вековой опыт борьбы и опыт солидарности. Конфедерация труда России охватывает транспорт-

ный, производственный добывающий, строительный, пищевой сектора экономики, сферу услуг, малый и средний бизнес, сферы культуры, образования и здравоохранения. Два миллиона разных людей с одинаковыми бедами. Два миллиона, готовые бороться вместе.

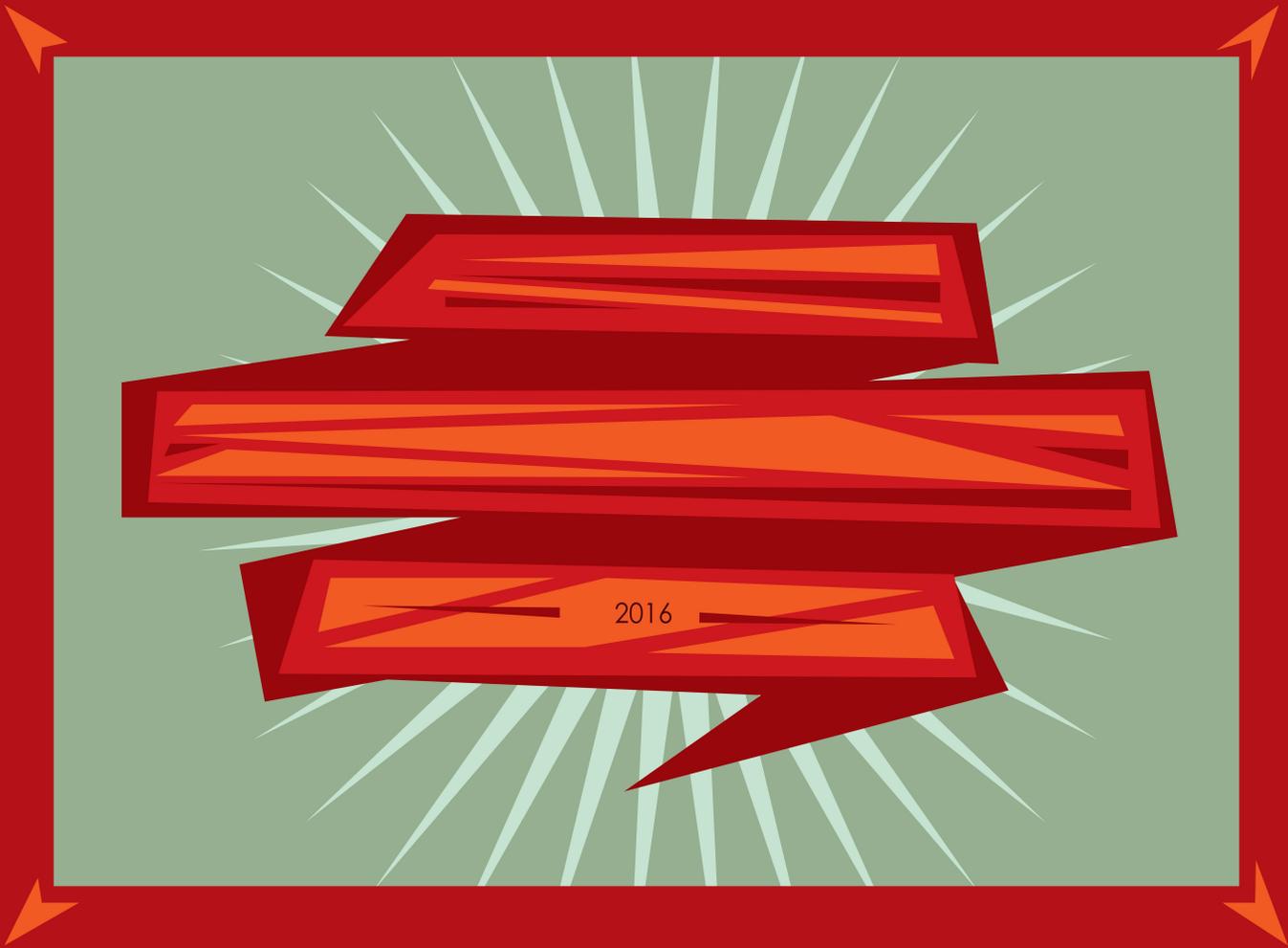
История продолжается, и продолжается бой.

Первомайская демонстрация Конфедерации труда России и ее членских организаций.
Санкт-Петербург, 2013 год.

Содержание

Вступление.....	3
Глава 1. <i>Рождение профсоюзов</i>	5
Глава 2. <i>Профсоюзы и революция</i>	10
Глава 3. <i>Вместе с властью и против власти</i>	17
Глава 4. <i>Оттепель и застой</i>	25
Глава 5. <i>Первые независимые</i>	31
Глава 6. <i>Независимые профсоюзы. Победы и поражения девяностых</i>	40
Глава 7. <i>Путь к единству</i>	49
Глава 8. <i>Профсоюзы нового типа</i>	60
Глава 9. <i>Профсоюзы и люди</i>	68

2016